

18+

О чём
молчали города

МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

Рената Роз

**О чём молчали города.
Мистические истории**

«Издательские решения»

Роз Р.

О чём молчали города. Мистические истории / Р. Роз —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901391-0

В сборнике тринадцать рассказов, сплетённых с городскими тайнами и мифами. Вас ждут встречи с призраками и шаманами, порталы во времени и пространстве, искушения и озарения. Не оглядывайтесь...

ISBN 978-5-44-901391-0

© Роз Р.

© Издательские решения

Содержание

Вступительное слово	6
Москва	7
Следующая станция	8
Владимир	15
Боги крыш	16
Ивангород	22
На другом берегу Наровы	23
Пятигорск	32
Муза	33
Нефтеюганск	40
Проклятие старого шамана	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

О чём молчали города Мистические истории

Авторы: Лисенкова Ольга, Корж Дарья, Костина Наталья, Остромина Арина, Данген Виктория, Слауцкая Ольга, Ани Адри, Макарова Ольга, Зорин Виктор, Зорина Екатерина, Искварина Александра, Роз Рената, Платунова Анна

Дизайнер обложки Рената Роз

Редактор Ольга Лисенкова

Корректор Ольга Лисенкова

Фотограф Aleksander Kaasik (фото к рассказу «На другом берегу Наровы»)

© Ольга Лисенкова, 2017

© Дарья Корж, 2017

© Наталья Костина, 2017

© Арина Остромина, 2017

© Виктория Данген, 2017

© Ольга Слауцкая, 2017

© Адри Ани, 2017

© Ольга Макарова, 2017

© Виктор Зорин, 2017

© Екатерина Зорина, 2017

© Александра Искварина, 2017

© Рената Роз, 2017

© Анна Платунова, 2017

© Рената Роз, дизайн обложки, 2017

© Aleksander Kaasik (фото к рассказу «На другом берегу Наровы»), фотографии, 2017

ISBN 978-5-4490-1391-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступительное слово

Что такое городская легенда?

Это современная сказка, передаваемая, как и её предшественники, из уст в уста – или, по велению времени, через интернет. Пожалуй, это сестра анекдота, но если анекдоты нас смешат, то городская легенда, напротив, пугает. С ней в родстве и так называемые «пионерские страшилки» (помните: «*Одной девочке мама говорила: не покупай чёрные занавески...*»?), и былички, рассказы «очевидцев» о встрече с нечистой силой.

Подумайте: вы наверняка слышали подобные истории о том городе, где живёте. В какой-нибудь старинной усадьбе непременно спрятан клад. На развалинах старого дома слышится плач, и поговаривают, что там повесилась студентка от несчастной любви. А если прогуляться мимо кладбища в полнолуние, вас станет звать туда неведомая сила: хорошо, если есть кому оттащить вас от ограды, а то пропадёте.

У слушателей и читателей нет никаких сомнений в том, что городская легенда основана на фактах: как правило, её героями становятся «друзья друзей», дальние знакомые, как две капли воды похожие на «одну девочку» из страшилок.

Мы не могли пройти мимо замечательного жанра и собрали для вас ровно тринадцать мистических историй о городах России. Перед каждым рассказом вы увидите легенду об этом городе, которая действительно бытует. Остальные подробности – наше творчество, персонажи вымышлены, все совпадения случайны. Но вы же в курсе: это произошло со знакомым знакомым...

Ольга Лисенкова

Москва

Раз в месяц на Кольцевой линии метро после полуночи появляется абсолютно пустой поезд, ржавый и поцарапанный. В кабине машиниста иногда видят человека в форме работника метрополитена старого образца. Поезд останавливается на станции, но двери не открываются.

Хотя иногда поезд всё же открывает двери. И горе тому, кто войдёт туда...

Следующая станция Дарья Корж

Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся...
(Апостол Павел)

Тяжёлая дверь закрылась за ним мягко, как хорошо отлаженный капкан. Неприятное чувство кольнуло в груди, но тут же забылось. Тёплый, такой знакомый воздух приятно щеко-тал нос – Антону с детства казалось, что метро пахнет эклерами. Почему – он сам не мог объяснить, эклерами и всё тут...

Как и для всех москвичей, для Антона метро было родным домом. Здесь он просыпался, додрёмывая сладкие утренние сны в одной из первых электричек, здесь же засыпал, возвращаясь домой после утомительного рабочего дня. Но никогда ещё ему не доводилось возвращаться так поздно. Шаги гулким бух-бух разносились по пустому вестибюлю Таганки. Странно, что никто не спешил в этот час с работы или ночной вечеринки. А говорят, Москоу невер слипс¹...

Неуютная пустота всколыхнула что-то тревожное внутри, паника юрким зверьком заскреблась в клетке груди. Пора заканчивать с этими ночными посиделками, говорил себе Антон каждый день, но каждый вечер по накатанной нарушал обещание. Там прорабы накопили, тут скандальный заказчик полночи – и не хочет же спать, скотина! – выносил мозг, требуя зависшую на таможне краску. Свой бизнес смотрится круто только в «интернетике», а на практике это красные от недосыпа глаза, испорченный на гамбургерах желудок и постоянная тревога, постоянно эти панические волны, что где-то недосмотрел, забыл о чём-то важном...

Но сейчас тревога была новой, не знакомой прежде. Антон слегка выдохнул и расслабил плечи, разглядев с эскалатора дежурного – седобородого деда с таким мирным выражением лица, как будто он только что прошёл курс йоги и медитаций. Впрочем, намедитируешься тут за день, наблюдая за бестолково снующими муравьями-пассажирами.

На пустой платформе у ближайшего к Антону края стояло двое. Антон повеселел. Начитался в свое время, идиот, «Метро»: и 2033, и 2034. После такого не то что панический звёрёк – панический слонопотам должен появляться только при одном виде подземной станции.

Парень, блондин в коричневой потрепанной жизнью кожаной куртке, добродушно глянул на Антона и даже будто подмигнул. Мол, мы с тобой одной крови. Тоже небось мотается, надеясь сколотить бабло. Девушка стояла спиной. Видны были только стройные ножки и короткое серое пальто. И волосы, волосы были необычными – справа рыжие, слева белые, как будто голова принадлежала двум разным людям и каждый покрасил её в свой любимый цвет. Антон видел на улицах девушек с цветными волосами, когда один цвет где-то внизу плавно переходил в другой. Но чтобы вот так, напополам, никогда.

Не будь он таким уставшим, можно было бы подкатить. «Дорогая незнакомка, которую я видел вчера в метро, твое красное платье и рыжие волосы – всё, что у меня осталось!» – начать с такого бородатого анекдота и, если девушка окажется с юмором, жечь дальше. Но сейчас жечь было нечем. Волна паники отступила, оставив пепел адской усталости, и всё, о чём мечтал Антон, – это шлёпнуться на жёсткое сиденье вагона и подремать до своей Октябрьской.

Поезда всё не было. Девушка в сером наконец обернулась, мазнула безразличным взглядом по Антону и «кожаному». Её бледное личико оказалось на удивление хорошеньким, странно покрашенные волосы шли ей, и Антон вдруг подумал, что к чёрту усталость, можно

¹ Moscow never sleeps («Москва никогда не спит»), по названию популярной песни

хотя бы спросить, откуда она едет так поздно. Тем более она вдруг напомнила ему одноклассницу Сою, в которую он когда-то был влюблён так, что рядом с ней начинал заикаться. Хорошо, что заикание прошло само собой, поступили в разные институты, жизнь развела, разбросала по городу-миллионнику, где никому ни до кого не было дела...

Антон уже шагнул к незнакомке, когда послышалось шипение и состав нехотя выскользнул из чёрной кишки тоннеля.

Позже он перебрал каждую крохотную деталь, застрявшую в сите памяти, спрашивая себя: неужели он не заметил ничего странного в том поезде? Но нет, он слишком устал... Да ещё эта девушка, похожую на давно забытую любовь всей его детско-юношеской жизни. Правда, он на мгновение задумался над затхлым запахом, окутавшим его, когда двери вагона с натужным скрипом раздвинулись, распахивая грязную пасть... Почему со скрипом, почему его не насторожил этот скрип? Может быть, потому что парень в кожаной куртке пошёл наперерез Антону и отсёк его от девушки в сером. А когда Антон сообразил, в чём дело, парень с девушкой уже входили в соседний вагон. Глупо было бросаться за ними, тем более что тихий голос машиниста уже что-то тарабанил в динамиках, и Антон шагнул в ближайшую дверь.

– Следующая станция... – зашипели динамики и закашлялись.

– Ссс... – натужно выводила связь и гасла, как спичка под дождём. Наконец динамики перестали бороться с неизбежным и смолкли. В наступившей тишине был слышен скрип колес, когда поезд, набирая обороты, покатился во тьму. Да что они там, уже последнее бабло распилили и теперь пускают списанные составы под видом новых, раздражённо подумал Антон. Он вытащил мобильный, намереваясь отправить матери смс, что позвонит с утра, а то обещал ей выяснить, где купить лекарство с непроизносимым названием, и не перезвонил. Что самое обидное, про лекарство он выяснил и приготовился завтра скататься на Пушкинскую в ту единственную аптеку, где его продавали без рецепта. А то мать что-то сдавать стала, а ей ещё внуков нянчить. Если Антон когда-нибудь оторвёт задницу от стула и найдёт себе мать своих детей.

Оторвёшь тут... Он глянул в соседний вагон, сквозь муть стекла увидел, что девушка и парень сели в разных местах. «Кожаный» рылся в мобильном, а «серое пальто» сидело в профиль к Антону, глядя в окно. Кстати о мобильном... Соединение не находилось, даже хвалёный московский вай-фай задрых сладким сном наработавшегося трудяги и отказался повиноваться. Антон заскрипел зубами от злости. Мало ему этого свиста, как будто древняя колымага вот-вот взлетит, мало дряхлого сидения, прогнувшегося под ним, хотя он похудел на пять кило за последний месяц, так ещё и вай-сволочь-фая нет!

Нервы обострились так, что Антон пообещал себе: на следующей станции он выйдет и подождёт другой поезд, нормальный. Чёрт с ней, с бело-рыжей незнакомкой. Хотя... Скорее всего, поезд последний и другого не будет. При этой мысли Антон чуть не застонал. Он стиснул бесполезный телефон в руке и откинулся на спинку сиденья, намереваясь вздремнуть.

– Следую... – зловеще зашипел динамик и вдруг рокотнул басом «щая» так, что дрема отскочила от Антона, как ошпаренная.

Происходило что-то неладное... По прикидкам Антона, прошло минуты три, как он сел в вагон, значит, пора подъезжать к Добрынинской. Даже при условии, что поезд снизил обороты и теперь тихо плёлся по тёмному туннелю, тоскливо скуля, как раненое животное.

Как будто почувствовав тревогу Антона, поезд жалобно загудел и прибавил ход. Ещё пара минут, и ладони Антона покрылись липким потом, так что мобильный приклеился к руке. Он всё ещё надеялся поймать вай-фай, но соединения не было. А потом и сам экран погас, хотя он только в обед проверял заряд, была полная батарейка. Чёрт возьми, во что он влип! Где эта проклятая следующая станция?

В голову полезли какие-то глупости: террористы, затопление, обвал, призраки... Да-да, Антон вдруг некстати или, наоборот, кстати вспомнил, как полгода назад девушка Даша, на тот

момент они были связаны статусом «в отношениях» на весь честной Фейсбук, подарила ему на день рождения впечатление в подарок. «Какая умница, – громко восхищалась мама, когда пунцовая от смущения Даша презентовала Антону яркий конверт, – другая бы рубашку подарила, а ты помогаешь моему сыну жить интересно, а не накапливать ненужные вещи! О душе заботишься...». Антон тогда ещё усмехнулся про себя: мама так хотела внуков, что, подари Даша рубашку, точно так же искренне восхищалась бы её заботой об Антоновом теле. Какая разница, рубашка, билеты, детей рожай – читалось в глазах мамы, когда она поднимала бокал с итальянским вином за здоровье именинника.

Впечатлением оказалась оплаченная экскурсия в Бункер-42, единственный реальный военный бункер в Москве, доступный для посещения. Ну и местечко выбрала, чтобы впечатлить, посмеялся Антон, но на экскурсию пошёл с удовольствием, даже слегка вздрогнул при имитации ядерного взрыва, но умудрился превратить это в шутку: «Ага, Дашка, испугалась? Я специально дёрнулся, чтобы тебе пострашнее было». Даша доверчиво хлопала глазами – он даже не вспомнил бы сейчас, голубыми ли, серыми, зелёными... Глупенькая милая девочка с её впечатлениями осталась в памяти радужным пятном. А вот экскурсия запомнилась, да.

Так вот, экскурсовод говорил, что из бункера был тайный проход на станцию метро, как раз на Таганскую, и работники бункера иногда возникали на Таганке, словно выбравшиеся из подземелья привидения, вводя в шок пассажиров. Ещё там была какая-то легенда о поезде-призраке, мол, сядешь в него, живым не выйдешь, но в эту чухню Антон уже не вслушивался. Не любил он такие байки.

Может, сейчас он попал в какой-то тайный перегон? Запасной рукав? Шшш – угрожающе шипели рельсы, и свет в вагоне, без того приглушённый, пропал вовсе. Отчаянно нажимая на кнопку мобильного, Антон видел вспыхивающий и гаснущий экран. Вспышки эти освещали что-то странное за окном. Как будто стены тоннеля волшебным образом расширились, и они ехали по местности, которой никак не могло быть под землёй бетонной Москвы. Антону мерещились скалы и деревья, задевающие сухими ветками стенки вагона, мерещились не то птицы, не то летучие мыши. И наконец померещились – конечно же, это не могло быть наяву! – белые, прижавшиеся к стеклу большие, в полтора раза больше человеческих, ладони, а за ними лоб и щёки.

Антон разжал руки, и бесполезный телефон со стуком шлёпнулся на пол. Шшшш – поезд набирал ход, а морок не уходил. Белые ладони оставили отпечатки на стекле с той стороны, Антон видел их, видел привычными к темноте глазами, и пот холодной змейкой пополз по спине под рубашкой. Некто... нечто прижало лицо к стеклу полностью, Антон рассмотрел белые глазные яблоки без зрачков и зияющий провал на месте рта... и подскочил к динамикам, мокрые пальцы мазнули по кнопке вызова. Как в кошмарном сне, когда хочешь убежать и не можешь, потому что не двигаются ноги. Сейчас ему отказали ватные, глупые, непослушные пальцы, но он исхитрился нажать-таки кнопку.

– Чффыр, – зашуршало внутри, и на удивление бодрый голос машиниста произнёс:

– Слушаю!

– Стойте! Где мы? – лихорадочно крикнул Антон; холодные змейки шевелились под тонким хлопком, мешая дышать, думать, жить. – Тут что-то происходит... Остановите поезд!

– Следующая... – захохотал машинист нечеловеческим голосом...

...и Антон нажал кнопку так, словно хотел выдавить её пальцем, лишь бы адский голос исчез, спрятавшись обратно в металлическую коробку.

Другие! Вдруг вспомнил он и повернулся к соседнему вагону.

Всё тем же заострившимся в темноте зрением он разглядел, что «кожаный» уже не копается в мобильном, а свисает с сиденья, неестественно вывернув голову. Серебристая вспышка за окном осветила красную ленту на горле «кожаного», и Антон попятился. Движение справа заставило его вздрогнуть, и он увидел девушку, о которой успел забыть. Бело-рыжая незна-

комка с широко раскрытыми глазами двигалась к нему, спотыкаясь. Антон рассмотрел тёмные струйки на светло-сером пальто и почувствовал кислый запах ржавчины. И тот же самый инстинкт, который заставил его тогда в бункере притвориться перед глупенькой Дашей суперменом, велел ему действовать.

– Ты ранена? Быстро сюда!

Он передвинулся так, чтобы перекрыть проход и одновременно отсечь незнакомую девушку от того, что творилось за окном. Ужасная голова исчезла, но белые ладони вернулись точно на оставленные отпечатки, и рядом появились ещё одни, теперь уже маленькие, ладошки, которые впились пальцами в стекло с противным визгом. По стеклу побежали трещины, как будто это была яичная скорлупа.

– Ты... – сказала девушка у него за спиной придушенным шёпотом, и он порадовался, что она может хотя бы шептать. Тот, «кожаный», уже ничего не может, а девушка жива...

– Потом... Не бойся... – прошептал он в ответ, пугаясь своего же голоса, срывающегося от подступающей к горлу истерики. Это «не бойся», произнесённое дрожащим Антоновым голосом, звучало так комично, что Антону захотелось расхохотаться. Тоже герой нашёлся! «Антоха успел, завязалась драка, с огромным трудом, но всё ж убил вурдалака... И треснул мир напополам, дымит разлом...»

Антон почувствовал, как шёлковые волосы коснулись его шеи. Как будто незнакомка хотела поцеловать его в плечо, но передумала. Он дернул плечом, всё его внимание было приковано к маленькой ладошке с острыми птичьими когтями, ладошке, которая набрала пригоршню стекла и...

Что-то ударило его сзади. Что-то или кто-то... Голова разлетелась, как стекло, на множество кусочков, или ему так показалось...

Больше он ничего не помнил.

– Вроде не бухой, – сказал над Антоном мужской прокуренный голос, и яркое солнце ударило в глаза.

Антон замычал и, не раскрывая глаз, попробовал сесть. Не с первой попытки, но удалось. Ощупал голову, ничего липкого не нащупал... Странно, значит, цела.

– Да живой ты, – насмешливо произнес всё тот же голос, – не жмурик, хотя мог бы им стать, скажи, Семёныч? Или ты, блин, с собой кончал? Оформить тебя как самоубийцу, что ли, пусть к психам забирают... Семёныч, а?

– На учете в психдиспансере состоишь? – буркнул другой голос, старчески высокий, надтреснутый. – Имя, фамилию, адрес назови.

Антон наконец разлепил глаза и увидел, что сидит на платформе. Всё та же проклятая Таганская! Эти стены, напоминающие цветом запекшуюся кровь, Антон теперь не скоро забудет.

Над ним стоял высокий усатый мужчина в форме сотрудника метро. Рядом с ним мялся плюгавый седобородый дедок с фуражкой дежурного по станции. Высокий задумчиво накручивал на палец по-казацки широкий каштановый ус. Дедок, не глядя на Антона, листал его, Антонов, паспорт в обложке с надписью «Рождённый в СССР».

– Ну, не помнишь, что ли? – в голосе высокого прорезалось раздражение, и Антон поспешил отбарабанить паспортные данные, благо знал их наизусть. С этим документооборотом ему приходилось забивать их чуть ли не каждый день – хочешь не хочешь, запомнишь.

– Ты ж не бухой, мужик? – озабоченно наклонился к нему высокий. – Как ты на путях оказался, а? Соври что-нибудь поубедительнее!

Хорошая идея! Антон и сам знал, что не стоит рассказывать про маленькую ладошку, сминающую стекло в горсти. Это даже на банальное опьянение не потянет, ещё оформят как наркомана.

– Возвращался э-э-э... поздно, устал... Пока ждал поезда, ну... Э-э-э...

– Поскользнулся, упал, очнулся, гипс, – протянул высокий, но веселья в его серьезных карих глазах Антон не разглядел. – Мы тебя, конечно, оформим как несчастный случай. Три часа ночи, ёпт, нам только жмуриков тут не хватало... Но ты сам-то на ус намотай, чтоб в первый и последний раз...

На ус только тебе и мотать, мрачно подумал Антон, но покивал, поизвинялся, отказался от помощи врача. Высокий приказал седобородому Семёнычу оформить Антона и, ещё раз пожурив незадачливого «самоубийцу», удалился восвояси.

Семёныч справился на удивление споро. Когда он протянул Антону документы, Антон заглянул ему в глаза:

– А больше на... на рельсах никого не было?

– Никого, – отрезал Семёныч, засовывая ручку в нагрудный карман. На Антона он не смотрел, старательно избегая его взгляда.

– А камера показывает же, что было на платформе? Тут минут двадцать назад вместе со мной стояла девушка, и ещё парень какой-то в коричневой куртке...

– Не было тут никого, – буркнул Семёныч, отворачиваясь, – привиделось...

– А у вас тоже бывают видения? – кинул ему в спину Антон. – Страшные, наверное? Иначе зачем бы вам носить в кармане нож...

Семёныч остановился и таки глянул на Антона голубыми, на удивление насыщенного цвета глазами из-под серебряных бровей. Ну чисто Дед Мороз, только укороченная модель.

– А ты типа умный, да? – он достал из кармана брюк увесистый, не игрушечку, швейцарский нож, пощёлкал лезвиями. – Ну тогда ты понимаешь, что нож – это так, для самоуспокоения. От них не защитит... Так что шёл бы ты, друг, домой.

– От кого от них? – глупо спросил Антон. Голова кружилась, когда он встал на ноги.

– От тварей, которых ты видел... Видел же? По глазам и так всё понятно, вон они какие у тебя, бешеные, – Семёныч криво усмехнулся. – В старый поезд сел, да? Так оттуда не возвращаются, парень. Не возвращаются с него. Конечная остановка – в аду, не иначе. Иди свечку своему ангелу-хранителю поставь.

Говоря это, Семёныч почти неуловимым жестом поправил нагрудный карман, где, кроме ручки, виднелся какой-то квадратик, похожий на иконку.

– А как же девушка в сером пальто, парень тот? Как же другие? Этот... старый поезд не впервые ушёл отсюда?

Семёныч резко развернулся и задрал подбородок, уставившись своими дедморозовскими глазами на Антона. Антон возвышался над ним на голову, и, наверное, со стороны смотрелось комично, как щуплый дедок надвигается на парня.

– Не впервые, нет, паря. Был ещё такой год назад. А ты позвони куда надо, фоторобот составь там, опиши, что случилось! Ты ж свидетель, паря, да? А я что, моё дело – пенсия... Только, – задохнулся Семёныч, – только скажи, когда звонить будешь, лады? Пал Палыч недалеко ушёл, это он у нас дурку вызывает...

Антон вжался в пол под натиском старика, видно, Семёныч почувствовал, что переборщил.

– Иди, Антон, – сказал он, отступая назад, – отдохни.

Когда Антон уже подходил к эскалатору, в спину донеслось:

– А свечку поставь, слышишь?

Ночью ему снилась девушка в сером пальто, она стояла к нему вполоборота и весело хохотала над шутками «кожаного» парня.

– Эй, мне тоже интересно, – вступил было Антон в беседу. Они оба повернулись к нему, и Антона прошиб знакомый холодный пот: у девушки было снесено пол-лица, а у парня из правой глазницы вытекала тонкая струйка крови...

Проснулся он совершенно разбитый, что неудивительно. На левом плече обнаружился странный синяк, очертанием напоминающий поцелуй или засос. Вот только Антон уже пару месяцев ни с кем не целовался.

В кое-то веки он не пошёл на работу, сказался больным и поручил программисту Игорьку на пару дней взять на себя звонки и клиентов. После чашки крепчайшего эспрессо в кафе через дом ему полегчало. В приятной утренней тишине кафе легче думалось. Мысли прояснились. Мобильный, заряженный спозаранку, работал исправно. Первым делом после звонка Игорьку Антон зашёл на сайт доставки цветов, заказал огромный букет тюльпанов Даше. Она любит трепетные, недолговечные тюльпаны, а не холодные в своей роскошной красе розы. Он это точно помнил, хоть что-то он помнил об этой бедной Даше, которую так некрасиво «прокатил». Букет – самый большой, какой только был на сайте – ей доставят на работу. От анонимного дарителя. Даша будет довольна, и его, Антона, отпустило постыдное чувство некрасивого поступка.

Потом он порылся в «Одноклассниках», куда старался не заходить без необходимости. Но сейчас необходимость была: надоело следить за профилем Сони исподтишка. «Привет, как жизнь?» – написал Антон. Она ответила неожиданно быстро, он даже не успел выйти из сети: «Хорошо, ты как?» И смайлик.

Смайлик придал ему духу, равно как и вторая чашка кофе. «Ты в Москве сейчас? Чем занята?» – «Дочь рашу». – «Одна?» – «Допустим, а ты с какой целью интересуешься, Тош?» И ещё один смайлик.

Он заулыбался так, что подходящая официантка расцвела ответной улыбкой и принесла ему комплиментарный маффин от заведения. «Тоша» – так его никто не называл со времен школы. Через пять смайликов они с Соней договорились о свидании. Сегодня вечером.

«Мать, на следующей неделе иду в загс», – отправил Антон смс. И следом на всякий случай приписал: «Я трезв и серьезен, лю». Про то, что внучка у матери появится куда быстрее, нежели та думала, писать уже не стал. А то ещё скорую вызывать придется. Возраст, возраст... Сюрпризы родителям нужно делать осторожнее.

Подумал, посидел. Заказал ещё один букет на вечер, ромашки. И столик в тихом, уютном кафе в центре. При заказе уточнил насчет игровой комнаты: Соня сказала, что девочке пять лет, чего ей скучать за столом. Поулыбался своим мыслям. Вот он какой, Антон. Живой пока, живее, чем когда бы то ни было.

«Следующая станция», – вдруг вспомнилось ночное шипение. Всё-таки как хорошо, что следующая станция для него наступила.

Он расплатился за кофе, оставив щедрые чаевые девчонке-официантке. Сходил подстричься. Напротив парикмахерской стояла маленькая деревянная часовенка. Повинуясь внезапному импульсу, Антон вошёл внутрь. Купил у строгой старушки в чёрном платке три большие свечи и все воткнул в песок у иконы бородатого старца с печальным и кротким взглядом, чем-то напоминающего Семёныча. Спасибо, прошептал Антон. Пока он стоял тут, вдыхая сладковато-горький запах ладана, от которого першило в горле, он вдруг понял, что его беспокоило.

Повинуясь всё тому же безотчетному импульсу, он сел в трамвай и доехал до Таганки. В воздухе уже разливалась предвечерняя синь. Синий час – так, кажется, называют немцы время суток, когда небо синее, а день идет на убыль. Время отдыха и приятных размышлений. Он тоже отдохнет, когда кое-что выяснит.

Возле входа в метро висела самодельная листовка. Антон сорвал её на ходу, ещё не вгляделся толком, а сердце уже зашлось в тревоге. С листовки на него смотрел вчерашний блондин. «Кожаный»! Антон узнал его даже в чёрно-белой версии. Вчера утром ушёл из дома и не вернулся... Антон вспомнил вывернутую под прямым углом шею.

Не вернется...

Чувствуя тупую боль где-то слева, он спустился вниз по эскалатору, обгоняя людей с усталыми серыми лицами. Ноги шли как деревянные, нехотя, не повинясь. Я только взгляну, обещал Антон себе. И вот в переходе табличка, на которую он никогда не обращал особого внимания. «Теракт в поезде... унес жизни 23 человек...». Чахлый венчик из дохлых пластиковых цветов сбоку и несколько фотографий. Бело-рыжая девушка. Незнакомка в сером пальто, чьё дыхание он ощутил на своем плече. Та, что оставила синюю метку поцелуя. Та, которую он закрыл спиной. Почему он сразу этого не понял... Она была в другом вагоне. Он, Антон, придурок! Мог бы сразу задуматься, как она прошла к нему. Это же поезд в метро, не электричка, здесь нет перехода между вагонами, а она прошла.

Хотя, если бы он понял тогда, если бы испугался, не ринулся играть в героя... Он снова вдохнул застрявший в обонятельной памяти кислый запах ржавчины и почувствовал, что его мутит.

Спасибо, шепнул он фотографии и пошёл по эскалатору наверх. К Соне, к маме, к ночному городу, в котором, хвала небесам, есть трамваи и где он точно услышит название следующей станции.

Владимир

Новый район на южной окраине Владимира (в просторечии ЮЗ) пользуется дурной славой с тех пор, как после сдачи последней высотки с крыши и из окон его домов периодически стали падать и разбиваться люди. Поговаривают, что в этом виновата негативная энергетика места, на котором много веков назад находилось древнее языческое капище, где славяне приносили жертвы своим богам. Только кто же поверит в подобную ерунду?..

Боги крыш Наталья Костина

Костик отпихнул ногой жёсткий стул и уселся на корточки, прислонившись спиной к стене. Мерзкий холодок тут же пробрался под край кожаной куртки, заставляя поёжиться. Юноша по очереди отёр руки о джинсу на коленях, перевернул смартфон горизонтально и развернул окно с видео на весь экран. Стрим вот-вот должен был начаться, а ночь длинная, надо как-то коротать время. Количество ожидающих начала трансляции уже перевалило за десять тысяч и с каждой секундой только росло.

Вообще, даже если бы не дежурство, Костик всё равно бы не спал и смотрел прямой эфир. Лучшие паркурщики и риферы мира могли заморозить кого угодно, но были так далеки, практически недостижимы, как звёзды Голливуда в кино. А этот парень – богАмон, как он называл себя, – коренной владимирец, похоже, любит свой город и путешествует чаще всего тут, по области. И ночные стримы начал выпускать сразу же, как только подтаял снег в начале марта. Кому нужны эти арабские небоскрёбы или американские трущобы? Когда грудью ловишь ветер, отдавая ему душой и телом, подойдёт любая крыша. И любое время суток.

Днём, конечно, безопаснее, удобнее, свободнее и больше открытых дверей. Но особенно Костик любил крыши именно ночью: городские огни, пустые улицы, чёрные окна. Ни души вокруг, только собственное тяжёлое дыхание, бездонный обрыв под ногами, лёд металла под пальцами и острые блики на стёклах, отражением луны освещающие дорогу...

Круглый курсор на экране наконец перестал вращаться, и Костик вцепился в гаджет ещё сильнее. Появившийся богАмон с улыбкой махнул в камеру, сощурил по-южному раскосые глаза, затащил ту же небрежный хвост на затылке, коснулся аккуратно выстриженной бородки – его «счастливый жест» – и разогнулся на первый финт. Круто развернувшись в воздухе, он запрыгнул на узкий жестяной карниз и выглянул наружу.

Темноту ночи разрезал яркий диодный фонарик, закреплённый на запястье рифера. Бледных бегающих лучей хватало, чтобы заставить светиться эмблему мельницы на спине чёрной толстовки и ядовито-зелёные шнурки кроссовок. Парень медленно обернулся к камере и поманил её за собой, снова набирая скорость. Он подлетел к небольшой кирпичной пристройке, взбежал по стене, наплевав на все законы физики, оттолкнулся и через мгновение снова был на ногах, легко запрыгивая на следующий карниз.

В этот момент совсем рядом грохнуло и заскрежетало. Костик вздрогнул, дёрнулся всем телом и быстро ткнул стрим на паузу, но тут же расслабился: просто в шахте сбоку ожил лифт. Юноша взглянул на цифры в углу экрана: надо же, третий час ночи, а кому-то не спится.

– Затянулась у чуваков вечеринка... – проворчал Костик, сдвинув густые брови к переносице.

Ему самому на вечеринки ходить не к кому. Да и некогда, даже тренировки и паркур пришлось на время бросить: скоро сессия, а с преподавателями по сопромату и квантовой физике он так и не нашёл общий язык. Первый невлюбил Костика за то, что тот однажды влез по пожарной лестнице на четвёртый этаж и забрался в аудиторию через окно – а как ещё, если опоздавших этот сморчок в очках к занятиям не допускал? Другой в принципе не одобрял молодёжь вроде Костика. Слишком независимые молодые люди, по его мнению, многовато о себе думают и на себя берут, значит, этих зарвавшихся котят надо перевоспитывать и учить уважать взрослых. Теперь экзамены этих двоих точно придётся покупать, а где взять деньги?

Ну вот, например, на работе. Ночной сторож, чем не вариант? Тихо, спокойно, никто на мозги не капает, на нервы не действует. Можно спокойно читать конспекты или смотреть

видео очередной горстки экстремалов, забравшихся на заброшенную башню или на заржавевший подъёмный кран.

Костик так и не понял, с чего вдруг поднялся такой кипеш вокруг новостроек на Дуброве. Да, немного странно, что сразу после сдачи комплекса с этих высоток регулярно стали падать люди. По городу поползли слухи о том, что в далёком славянском прошлом на этом месте вроде как находилось капище для жертвоприношений языческим богам. Так сколько веков уж прошло, что за бред! Как будто в других частях города не происходит несчастных случаев. Но народ упорно чесал языки о каждую следующую новость о смерти и причитал, что район проклят. И жилищное управление решило посторожить крыши, куда не уляжется молва.

Ну и тем лучше, думал Костик, усаживаясь на бетонный пол и снова включая трансляцию. Работа непыльная, а чем меньше желающих тут работать, тем больше денег он получит. В смартфоне богАмон уже карабкался на соседнюю высотку по пожарной лестнице, периодически задерживаясь на декоративных уступах шириной в один кирпич и размахивая фонариком, как олимпийским огнём. Вот ему, наверное, жертвоприношения не нужны, хоть и летает-прыгает он в самом деле как бог. Словно вообще не подчиняется этому миру с его дурацкими страхами, предрассудками и силой притяжения.

Полиция бывала здесь чаще, чем хотелось бы: одиннадцать смертей за последние три месяца. Однажды на допрос нарвался даже Костик. Ему показывали какие-то фото, спрашивали о работе и увлечениях. Почему-то с фотографий чаще всего смотрели молодые парни, иногда девушки, примерно ровесники Костика. Или того же богАмона. Парень предположил, что все они могли быть неудачливыми руферами, которые пришли попытать счастья на новых крышах, но не справились с ветром или коварной скользкой жестью под ногами. Тогда полиция завалила его ещё тонной вопросов, а студент решил в дальнейшем держать свои соображения при себе. Ну нафиг, ещё связываться...

На очередном особо закрученном финте руфера Костик поскрёб пробившуюся щетину на подбородке и оглянулся на чердачную дверь: цепь была тщательно обмотана вокруг ручек-петель и стянута массивным висячим замком. Каменный век, ей-богу. Все нормальные сталкеры давно носят с собой и ножовку, и универсальный ключ для пластиковых окон, и обычные отмычки. Ну кого сейчас напугаешь амбарным замком?

Стремительный и лёгкий богАмон очень рискованно спрыгнул с одного карниза на другой, оставив под ногами двадцать шесть этажей чернеющей пустоты. Камера будто летела за ним по пятам. Костик закусил костяшку среднего пальца. Тут же прогремело где-то совсем рядом. Студент вскинулся, вскочил на ноги, зашипев от резкой колючей боли в затекших ногах. Это не лифт, шумело где-то снаружи. На крыше? Да не может быть, он же только что проверил, что цепь и замок на месте. Возможно, кто-то из рабочих оставил там инструменты? Ветром вполне могло раскидать железяки.

На этот раз Костик не стал останавливать эфир. Поглядывая одним глазом в телефон, он достал из нагрудного кармана старомодный ржавый ключ, отпер замок и размотал гремящую цепь, небрежно бросив её на пол. Тяжёлая чердачная дверь со скрипом поддалась и открылась – по звуку и не скажешь, что ей вообще когда-либо пользовались.

Конец мая выдался на удивление тёплым, но ветренным. Дома выше восемнадцати этажей на Нижней Дуброве встречались редко, но даже этой высоты хватало, чтобы прочувствовать, как ужесточается почти летний ветер и как азартно он пытается сбить с ног всё, что попадается ему на пути. Костик прошёл по пустой тёмной крыше и не увидел ни инструментов, которые могли бы упасть, ни людей, которые могли бы шуметь. Он подошёл к кирпичному парапету, облокотился на стальное покрытие. Под кедами неприятно заскрипел рубероид.

– Новостройка, называется, – сплюнул под ноги студент и снова уткнулся в смартфон, где богАмон уже докручивал свою фирменную серию салтыо.

Костик вдруг подумал, что было бы классно, если бы этот руфер сейчас припрыгал к нему на крышу. Как Карлсон, которому ни высота, ни расстояние не помеха. Может, у него тоже есть какой-то свой секретный пропеллер? Костик бы задал много вопросов, а богАмону было бы даже интересно с ним их обсудить, ведь студент не такой дикарь в теме руфинга и паркура, как все те, кто просто слепо решает закрывать крыши, краны, обзорки и любые другие высотные площадки от греха. Как будто настоящего экстремала остановит какой-то дурацкий замок на хилой цепи!

Через минуту богАмон достал из кармана толстовки маленькую портативную камеру, похожую на налобный фонарик, одним движением легко набросил её ремень-резинку себе на шею. Подмигнул в кадр и закусил прорезиненный пластик держателя зубами. На экране смартфона тут же появилось второе окошко трансляции – от первого лица. Так гонка с собственной тенью ещё больше будоражила и захватывала: как будто ты сам бежишь навстречу пропасти, чтобы оттолкнуться как можно сильнее и, перебирая ногами в воздухе, гадать, долетишь или нет... Адреналин фонтаном через край!

Костик смотрел на мечущегося по стенам руфера и забывал дышать. Тот, как заводной, прыгал и прыгал с уступа на уступ, с яруса на ярус, падал, группировался, перекатывался и снова прыгал. Кру-уто! Костик ткнул на видео от первого лица и развернул его на весь экран. На мгновение богАмон застыл, стоя на парапете и раскинув руки, взглянул вниз: на тускло освещённой стоянке во дворе толстыми червяками небрежно были раскиданы разноцветные автомобили, а сонно притулившиеся друг к другу высотки комплекса отсвечивали ровным рядом ярких лестничных окон.

Костик тоже поднял глаза и посмотрел на ночной город с его окраины. Южнее начинались бескрайние равнины, о которые тёрлась берегами, словно кошка, извилистая Клязьма. Совсем рядом, к востоку, притаился тихий частный сектор, пуская в небо редкие струи светлого дыма. А за ним вверх по холму взбирались вереницы фонарей, светились сигнальные огни высоток, мелькали фары одиноких машин и мотоциклов. Чёрт... Сейчас бы плюнуть на всё, разбежаться и сигануть вниз по трубе, как богАмон. Долететь до тех же частных домиков, перебудить стуком по крыше спящих людишек...

Все они спят. Все они маскируются под вечно занятых важными делами, но все, на самом деле, спят и уже даже не мечтают проснуться – просто забыли, что это возможно. Опасные мысли в опасной близости от края, который обычно обещает ответы на все вопросы, лёгкое избавление от всех проблем. Сюжет, достойный Матрицы!

Костик снова заглянул в смартфон и в очередной раз восхищённо вздохнул: вечно бодрствующий богАмон вылез из какого-то окна, с двух ног перепрыгнул с карниза на ближайший балкон, подтянулся на решётке вентиляции, ухватился за прутья верхнего парапета и вытолкнул себя обратно на крышу. Крутанулся на месте так, что от смазавшегося видео закружилась голова, и снова остановился, глядя на далёкие огни ночного города и редкие струи светлого дыма.

Стоп, что?!

Костик вскинулся и заозирался: никого, он на крыше один. Он стиснул пальцами гаджет и принялся лихорадочно сверять то, что видит в реальности, с тем, что показывает камера руфера. Один в один, тот же холм впереди, те же крыши частных домов. Ему даже показалось, что в углу экрана мелькнул рукав его куртки – такой же чёрный кожаный... Или всё-таки померещилось? Ведь никого же больше нет. Но где же тогда сам хозяин камеры? Откуда тогда доносится этот топот?..

Студент ещё раз глянул на видео и рванул влево, куда побежал богАмон, не отрывая взгляда от стрима. На кирпичную пристройку – заслон от ветра – они вспрыгнули почти одновременно. Вперёд, к пожарным лестницам, наверх... Нет, не наверх, богАмон в последний момент свернул направо, как будто хотел сбросить «хвост». Ему это почти удалось, но Костик

не просто так загонял себя на тренировках до полусмерти – он ловко оттолкнулся подошвой кед от металлических прутьев и в один прыжок нагнал потерянное преимущество.

Руфер в телефоне на секунду обернулся, и Костик, с трудом подавив желание поднять глаза, мельком увидел на экране самого себя и бегущую следом за ним фигуру с развевающимися светлыми волосами. Отвлёкшись, он чуть не пропустил момент, когда вылетел за богАмоном к самому открытому краю крыши, где не было ни парапетов, ни ограждений – один только кирпичный порожек в несколько сантиметров.

Руфер без раздумий спрыгнул в пустоту, сверкнув в камеру ярким лучом диодного фонарика, а ослеплённый Костик едва успел заметить опасность в дёргающемся видео. Он резко затормозил, упал на корточки и вцепился пальцами в кирпич, чудом не выпустив смартфон. И тут в него сзади влетело что-то – или кто-то? – тяжёлое, перевалило через спину юноши и с размаху полетело вниз.

В этот момент Костик понял, что спит. Или бредит, ведь такого не бывает на самом деле. И вовсе не потому, что это противоречит всем известным законам физики, а потому что просто не может быть никогда, и всё. Потому что невидимое тело не становится вдруг видимым от одного столкновения с другим телом. Потому что человек в сознании не может просто лететь с крыши высотки и молчать. Потому что молодые девушки вообще не должны падать с крыш...

Костик смотрел вниз и не мог выдавить ни звука. Ему казалось, что само время остановилось, и только исчезающая в ночных тенях светлая фигурка заставляла в этом усомниться. Девушка так и не закричала. Или студент просто оглох от нахлынувших и затопивших мозг паники и страха – в уши и правда словно ваты набили.

Краем глаза он заметил движение сбоку: богАмон легко подтянулся на руках и как ни в чём не бывало выбрался на карниз. Разжал зубы, вытащил камеру – Костик даже не заметил, в какой момент прервался стрим, – выключил слепящий фонарик на запястье, спрятал руки в карманы толстовки, постоял, посмотрел за край и вдруг, цокнув языком, хрипло пробормотал:

– Ну почему всегда здесь? Такие виды пропадают...

Подозрения о проблемах со слухом росли и множились. Костик посмотрел на вполне себе материального руфера и моргнул. Послышалось или нет? Или ему и впрямь нет дела до только что разбившейся помощницы? Сам богАмон поднял голову к звёздному небу и повысил голос, как будто его там кто-то мог услышать:

– Эй, Стрибог, всё в хозяина играешь? Это давно не ваши земли и души, угомонитесь уже!

Почему-то мысль, что он не единственный тут спятил с ума, немного успокаивала. Костик поднялся, убрал телефон в карман джинсов, отряхнул ладони и куртку и уставился на богАмона, ожидая объяснений. Тот смотрел в ответ тяжело и оценивающе, словно прикидывал, стоит ли тратить своё время или проще скинуть случайного свидетеля с крыши следом за той девушкой.

– Ты где-то занимаешься? – спросил наконец руфер, скрещивая руки на груди.

Это было последнее, что Костик ожидал услышать, но всё же ответил:

– Эм... Да, немного. Только две недели не ходил, скоро сессия, а мне...

– Пойдёшь ко мне в операторы? – перебил богАмон и сощурился.

Так она была оператором. Студент вспомнил, как внешняя камера, не отставая, летала по воздуху за руфером, как будто на привязи. Тут нужна не только недюжинная сноровка, выносливость и прыгучесть – нужно уметь всё то же, что умеет сам бог ветра и крыши.

– А она?

У Костика не хватило духу ещё раз взглянуть на упавшее тело, поэтому он просто мотнул головой в сторону карниза.

– Она знала, на что идёт, – сурово ответил парень, отводя взгляд. – Они все знают риски, но всё равно вызываются со мной по ночам. Я никого не держу силой.

– Они?..

Костик перестал что-либо понимать. Выходит, у него реально уже не в первый раз так оригинально сменяются операторы. И все они разбились тут? Одиннадцать погибших за три месяца. И ещё одна сегодня. Итого дюжина – примерно столько, сколько ночных трансляций за то же время провёл богАмон...

– Да кто вы, чёрт возьми, такие?

Юноша невольно сжал кулаки и напряг ноги, чтобы хоть как-то унять нервную дрожь в теле.

Руфер помолчал, разглядывая свои ядовито-зелёные шнурки, а затем заговорил так буднично, будто сообщал о вчерашней сводке новостей:

– Мои предки были жрецами самого бога Амона, занимали высокое положение в обществе. Но им пришлось бежать, когда в Египте начались гонения на язычников. После долгих скитаний они осели в здешних местах. Я родился уже во Владимире, всего через несколько лет после его основания, но, как видишь, славянские боги до сих пор припоминают мне старые обиды.

Костик завис: что несёт этот парень? Владимир был основан больше тысячи лет назад. Это сколько же тогда ему сейчас?

– Секреты древнего жречества помогли нам не стареть, – продолжал богАмон, – мы научились скрываться от посторонних глаз. Через много столетий мы нашли наконец свою стихию, превратились в настоящих богов крыш, мечтали покорить Вавилонскую башню.

Руфер мечтательно поднял лицо к небу, распахнул тёмные раскосые глаза, в которых тут же отразилась сияющая звёздная бездна.

– Совсем недавно, лет двадцать назад, высота и экстрим даже стали модным веянием, а технический прогресс шагнул так далеко, что мы смогли не прятаться, как раньше, а наоборот, вести прямые трансляции со всего мира. Ты наверняка видел их, если следишь за мной.

Костик заморгал, отгоняя навязчивое видение красочных пейзажей из популярных стримов: крыши небоскрёбов в Эмиратах, заброшенные заводы в Детройте, разноцветные рекламные щиты на высотках в Токио. Все эти знаменитые руферы, неужели...

– Одна беда, – совсем тихо сказал богАмон, сверля студента тяжёлым взглядом. – Бог грома, упавший с Олимпа, – низложен. Бог крыши, упавший с крыши, – мёртв. Мы не сразу поняли это, но всё рано не отказались от высоты. И теперь места ушедших занимает молодёжь вроде тебя. Способная, свободолюбивая, бесстрашная.

Что, так и правда бывает? Чтобы вся жизнь – одно сплошное свидание с небом. Чтобы мерить отведённый срок сотнями метров под ногами. Чтобы без перьев и крыльев летать, куда вздумается, да ещё и невидимым всему миру.

– А как... как вы это делаете? – Костик поводит по воздуху рукой, не в силах подобрать слова, но руфер понял его и так.

– Я тебя научу, если захочешь. Если не струсить.

Студент коротко хмыкнул:

– На слабо берут только малышню.

– Я же сказал, если захочешь, – повторил богАмон. – Я никогда никого не принуждал, просто те, кто пришли ко мне, больше не хотят возвращаться. И всё же, если ты останешься один, перспектив у тебя не так уж много.

Костик обернулся к выходу с крыши. Каковы его перспективы? Если по ту сторону от чердачной двери его ждёт жёсткий стул, очередное дежурство и деньги, которые он потратит на подкуп преподавателей, то по эту ему обещают ветер, свободу, любую крышу на выбор...

и возможность разбиться, как та девушка. Все они знают риски, но всё равно идут. Потому что верят в себя, свои силы, ловкость и удачу. В свою свободу и адреналиновый допинг в крови. Так разве ответ не очевиден?

– Ну так что, согласен? – богАмон притопнул кроссовкой и по-птичьему склонил голову набок.

– Согласен, – твёрдо сказал Костик.

Руфер довольно оскалился, подошёл ближе и протянул руку с зажатой в ней камерой на ремне-резинке. Костик коснулся её и стиснул зубы, чтобы не зашипеть от внезапной боли: казалось, что чёрный пластик прожигал ладонь до самой кости.

– Призываю тебя в ряды своих верных последователей, – как-то заунывно и пафосно провыл парень, закатив глаза. – Иди по пути великого бога Амона и будешь одарён его благословением. Да сотрётся людская память о тебе и твоих деяниях. И да не падёт твоя душа данью чужим богам древнего капища...

С каждым его словом фигуры парней становились всё тоньше, легче, прозрачнее, пока наконец не растаяли в ночном воздухе окончательно и бесследно.

А на следующее утро полиция снова опрашивала весь комплекс, безуспешно пытаясь найти очевидцев очередной трагедии или хотя бы установить личность разбившейся молодой девушки. Никто из жильцов не узнал в ней ни соседки, ни чьей-нибудь знакомой. Как никто не вспомнил, что каждую ночь сюда приходил один юноша, которому поручили охранять выход на чердак. Но дверь на крышу была крепко заперта, а её ручки – надёжно обмотаны старой цепью с тяжёлым висячим замком.

Ивангород

В старинной легенде рассказывается, как рыцарь Индрик фон Беренгаупт двадцать лет копал подземный ход из Нарвской крепости в Ивангородскую, чтобы вернуть своего сына. Семья так и не воссоединилась, отец и сын погибли, а своды туннеля рухнули, и теперь никто не знает, был ли под рекой подземный ход между Нарвой и Ивангородом.

На другом берегу Наровы Арина Остромина

Всю неделю накрапывал мелкий питерский дождик, и на выходные солнца не обещали. Дима решил съездить к родителям в Ивангород. Семестр только начался, учёбой третьекурсников ещё не загрузили, можно и расслабиться на пару дней. Приехал в пятницу вечером, а в субботу вся семья собралась на дачу с ночёвкой. Дима остался дома, ему хотелось побыть одному. Улёгся на диван с ноутбуком, почитал Фейсбук, поболтал с френдами. В комнате стемнело. Дима подошёл к окну, приоткрыл раму. С улицы доносились обрывки разговоров, смех загулявших прохожих, шум машин. Постепенно всё стихло. Ветер трепал ветки деревьев, носился над рекой, подбрасывал над асфальтом рекламные листовки и обёртки от мороженого. Начался дождь. Диме показалось, что за окном звучит голос, одинокий и заунывный. Как будто под деревьями стоит старик и устало бормочет. Кто там бродит в такую погоду? Дима прислушался, попытался разобрать слова.

«...сын, прости... из-за меня ты остался без матери...»

«...сын, прости... из-за меня ты остался без матери...»

Дима вздрогнул: что за нелепые шутки. Если это розыгрыш, то чей? Бывшие школьные приятели понятия не имели о Диминых семейных тайнах. Соседи – тем более. Тротуар перед домом скрывался за густыми тополями, листья ещё не облетели, сверху ничего не видно. Да и вряд ли кто-то прячется под деревьями в такую погоду. Дима вздохнул: а, ерунда, почудилось. Закрыв окно, вернулся на диван. Отодвинул ноутбук, лёг на спину, уставился в потолок. И что этому старику дома не сидится... С кем он там разговаривал? Кто остался без матери из-за него? Но ведь не отец же стоит там, под окном. Нет, конечно. Это невозможно.

Уж лучше бы на дачу поехал, подумал Дима, а то мерещится дичь какая-то. Он встал, зажёл верхний свет – прямоугольник окна почернел и отрезал комнату от уличной тьмы. Дима прошёл по коридору, достал из холодильника бутылку пива. Включил телевизор, защёлкал пультом и перестал думать о старике.

* * *

Раннее детство Дима не помнил. Разве что пару эпизодов: белый домик у моря, нарядная комната с запахом ванили, высокая худая женщина ставит на стол вазочку с печеньем, бородастый мужчина в тельняшке сидит на скамейке во дворе и гладит лохматую собаку. Но как Дима туда попал, он не знал. Похоже, что гостил у бабушки с дедушкой – но они ведь не у моря живут, а здесь, неподалёку. Может, родители комнату у той семьи снимали, когда в отпуск ездили.

А ещё иногда вспоминал красивую молодую женщину: она смеётся и обнимает Диму, что-то спрашивает, а он вдыхает запах её духов и молчит, не хочет отвечать. Он счастлив, хоть ещё и не знает такого слова. Женщину эту Дима видел на фотографиях у мамы в альбоме. Это мамина сестра. Она погибла в аварии, когда Диме было три года.

Зато школу он помнил отчётливо: сначала бесконечно длинные уроки, неудобные парты, галдящая толпа одноклассников в коридоре. Потом первые друзья, первая сигарета в закутке за гаражами, первый вызов к директору из-за драки. К последнему классу Дима даже успел полюбить школу, но она внезапно закончилась. Экзамены, выпускной, обещания встречаться почаще. Дима уехал в Питер, поступил в университет, обзавёлся новыми друзьями.

После первого курса одногруппники решили всей компанией прокатиться в Финляндию, а у Димы визы не было. Раньше этим родители занимались, а тут пришлось самому всё делать.

Анкету скачал в Интернете, распечатал, начал заполнять. Быстро продвигался, пока не дошёл до места рождения родителей. Задумался: отец в деревне родился, надо район указать. Этот, как его... Бокситогорский, что ли? Или Лодейнопольский? Название точно длинное, но какое именно? Родители ушли на работу, отвлекать их звонками Дима не хотел, поэтому решил сам поискать в шкафу документы. Наверняка там и копии паспортов есть.

На полке стояла плотная картонная коробка. Давным-давно маме на день рождения подали чайный сервиз из прозрачного фарфора, с яркими птицами на невесомых чашках. Сервиз стоял в кухонном буфете, а коробка пригодилась для семейного архива. Дима вытащил несколько пухлых папок, разложил на родительской кровати. По дну коробки рассыпались поздравительные открытки – раньше на все праздники родственники их присылали, но давно уже перестали, теперь у всех Интернет. Рядом с открытками белела тонкая стопочка старых бумажных писем. Дима прочитал адрес на верхнем конверте. Соне Староверцевой от Полины Сеппанен. Это от маминой младшей сестры, которая давно погибла. Конечно, нехорошо читать чужие письма. Но дома же никого нет, никто не узнает. Дима достал из конверта сложенный тетрадный листок. Красивый крупный почерк, простые короткие фразы.

«Привет, сестричка! Как у вас дела? Как погода в Питере? Не скучаешь по дому? Юлечка уже пошла в ясли после простуды? А я в выходные к родителям ездила. У них всё хорошо, не волнуйся за них. Мама шьёт тебе платье. Из того шёлка, что я в Хельсинки купила. Завидую, ты у мамы на юбилее будешь самая красивая! А у нас всё по-старому, я пока так и не решила, куда идти работать. Выбираю, мучаюсь...»

Дима сложил листок и начал засовывать обратно, но что-то мешало, пришлось приоткрыть конверт. Там лежала фотография: Полина сидит на скамейке, смеётся, длинные светлые волосы растрепал ветер, белый сарафан облепил стройные колени. Рядом со скамейкой стоит малыш в панамке и рассматривает игрушечный самосвал. Сердце заколотилось, во рту пересохло. Дима узнал малыша по панамке в корабликах и по самосвалу. В мамином альбоме есть несколько его детских фото, сделанных в тот же день. «А что такого? Ну, гуляли в парке вместе с маминой сестрой. Ничего особенного. Я ведь её даже немного помню», – успокаивал себя Дима, но уже догадывался: тут что-то не так.

Он снова развернул письмо, пропустил дежурные фразы про погоду и здоровье, стал читать дальше.

«Знаешь, в последнее время у нас с Иваром как-то не клеится. Ссоримся часто. Никогда такого не было. На работе у него неприятности, но он мне не рассказывает. Ничего не знаю толком, но вижу, что он на всех злится. И на меня, и даже на Димку вчера накричал за раскиданные игрушки! Боюсь я что-то...»

Письмо упало на кровать, плавно соскользнуло на пол. Дима сидел неподвижно, смотрел в одну точку. Потом быстро сложил всё на место, убрал коробку в шкаф и ушёл гулять.

Визу он тогда так и не получил. Сказал друзьям, что передумал ехать.

* * *

Поговорить об этом с родителями Дима решился нескоро. Больше года молчал, прокручивал в голове строки из письма Полины. Может, это ошибка? Может, её сына тоже звали Димой и он вместе с ней погиб в аварии? Могли обе сестры одновременно родить сыновей и назвать одинаково? Вряд ли. Значит, он всё правильно понял.

Каждый раз, когда смотрел на себя в зеркале, хмурился: бросалось в глаза сходство с Полиной. Что Дима не в отца пошёл, это все видели. Зато с матерью – одно лицо, так Дима

всегда думал. Теперь понял, почему: Софья очень похожа на сестру. Правда, красота у неё не такая яркая: волосы другого оттенка, чуть темнее, и глаза не такие синие, как у Полины.

Дима мучительно рылся в памяти, пытался найти ниточки к своей потерянной семье. Казалось, стоит только уцепиться за одно воспоминание, потянуть – и весь клубок размотается. Но ниточек не хватало: только женщина, которая пекла печенье, и бородач с собакой. Наверное, это родители его настоящего отца. Где они теперь, живы ли, почему Дима их больше никогда не видел? И где его отец?

В Ивангород Дима теперь приезжал редко, все выходные проводил в Питере с друзьями, на зимние каникулы уехал кататься на лыжах. Маме говорил, что учиться на втором курсе тяжело, времени совсем нет. А на самом деле просто боялся выдать себя: мама всегда замечает, когда Диму что-то тревожит. Начнёт расспрашивать, а он ещё не готов говорить о секрете, который случайно раскрыл.

И только следующим летом, когда приехал к родителям на каникулы, однажды не выдержал, спросил:

– Мама, я сын Полины?

Софья выронила чайник, заварка потекла по столу, крышка звонко шлёпнулась на пол и разлетелась на куски. Мама опустила на стул, вздохнула, подняла глаза на Диму, тихо сказала:

– Да. Как ты узнал?

– Письмо с фотографией нашёл.

– В моём шкафу? Зачем ты туда полез?

– Анкету на визу заполнял, хотел папино место рождения посмотреть.

– Спросил бы. Позвонить мог. Не надо было чужие письма читать.

– Мама! Они для меня не чужие. Это моя настоящая мать писала. Про меня, между прочим!

Дима встал, повернулся спиной, сжал тонкими пальцами край подоконника, поднял глаза: боялся, что слёзы потекут.

Софья подошла к сыну, обняла за плечи.

– Прости, что раньше не рассказали. Но мы с папой боялись.

– Чего боялись?

– Ну как же... ранить тебя боялись. Такая трагедия.

– Ага, «тайна усыновления», всё как положено, – горько усмехнулся Дима.

Софья вернулась за стол, обхватила голову руками, молча заплакала.

В тот вечер Дима узнал историю своей семьи.

В середине восьмидесятых Софья уехала учиться в Ленинград, вышла замуж за однокурсника, устроилась на работу в своём институте. Её младшая сестра Полина осталась в Ивангороде с родителями, учиться не захотела, мама устроила её к себе в отдел кадров. С Иваром Полину познакомили друзья. Влюбилась с первого взгляда, мысленно называла его «мой викинг». А он и вправду выглядел как викинг: высокий и статный, с длинными светлыми волосами, с аккуратной рыжеватой бородой. Да ещё и одевался модно: недавно переехал в Нарву из Таллинна – ему сразу после института предложили хорошую работу, согласился ради денег. Родители и друзья жили в Таллинне, Ивар часто ездил туда на машине. В Нарве он не знал никого, кроме мужа Полининой подруги. Только начал обзаводиться новыми друзьями, а тут как раз Полина – очень кстати. Упускать такую красавицу нельзя, Ивар это сразу понял. Изображал прекрасного рыцаря так умело, что Полина растаяла – ей ещё не попадались такие внимательные и заботливые поклонники, – и вскоре вышла замуж. Переехала из Ивангорода на другой берег Наровы, в Нарву, где Ивар снимал квартиру.

Через год после свадьбы родился Дима. Сначала всё шло прекрасно, Ивар возился с малышом, гулял с ним на детской площадке. А потом у Ивара начались неприятности – то ли на работе, то ли с одной из его подработок, о которых Полина толком ничего не знала. Ивар постоянно злился, ссорился с Полиной, кричал на Диму. Полина верила, что всё уладится, молчала во время ссор. Остальное не изменилось: они всё так же навещали родителей Ивара по выходным, всё так же несколько раз в год ездили на машине в Финляндию через Питер.

Раньше Полина с Иваром всегда заезжали по пути к Софье, иногда даже с ночёвкой: в пятницу вечером от Нарвы до Питера, переночевали, а в субботу рано утром на финскую границу, пока очередей нет. Сониной дочка Юля родилась через год после Димы. Дети пока ещё толком не умели играть вместе, но сёстры наблюдали за ними и мечтали, как малыши подружатся, когда подрастут.

А в тот день Ивар сказал, что ему некогда ехать к родственникам, он торопится, у него дела. Полина расстроилась. Ивар разозлился, начал кричать, отвлёкся, не заметил красный свет на перекрёстке. Справа грузовик ехал, не успел затормозить. Полина погибла, Ивар с Димой попали в больницу. Началось расследование. Оказалось, что Ивар сел за руль пьяным. Дальше – больше: в машине нашли спрятанные старинные иконы. Оказалось, краденые. Следователь начал давить, Ивар во всём признался: работал на перекупщиков, тайно перевозил через границу вещи для коллекционеров. В Хельсинки отдавал связному и получал деньги. А это уже контрабанда, да ещё и групповая. Так и получилось, что срок дали большой.

Пока Дима лежал в больнице, родственники решали его судьбу. Родители Полины отказались отпускать внука в Таллинн, к бабушке и дедушке по отцу. Софья с мужем сразу подали заявление на усыновление, а сотрудницы опеки, женщины сердобольные, помогли сделать всё быстро: все жалели малыша, у которого погибла мать по вине отца-преступника. Трёхлетний Дима поселился в новой семье и получил другое имя: Дмитрий Юрьевич Староверцев. Тайну усыновления в те годы все строго соблюдали, и Софья с Юрой тоже считали, что так лучше.

Вскоре они решили переехать из Питера в Ивангород, поближе к Сониным родителям. Да и Диме лучше жить рядом с дедушкой и бабушкой, ведь в первые три года он рос неподалёку, на другом берегу Наровы.

* * *

Ивар обмакнул кисточку в банку с прозрачным лаком, прошёлся по выпуклой поверхности, промазал изгибы завитка на конце фигурной ножки. Откинулся на спинку стула, полюбился на свою работу. Почти готово, осталось ещё две детали прокрасить, потом подшлифовать мелкой шкуркой, когда лак высохнет, и можно будет собирать кресло. Пора сделать перерыв, кофе выпить. Вот только лаком очень сильно пахнет, надо проветрить. Ивар открыл окно, перегнулся через подоконник, вдохнул прохладный вечерний воздух. С реки тянуло сыростью, ветер ворошил листья и хлопал почтовыми ящиками на заборах.

Запах свежего лака теперь смешивался с запахом речной воды, за окном изредка проезжали машины, с набережной доносились голоса: вот женщина звонко возмущается, а ей спокойно отвечает мужчина, и всё стихает; вот ребёнок громко рассказывает о чём-то, а женщина поддакивает, и опять всё стихает. Ивар не пытался разобрать слова, он сосредоточенно водил кисточкой по маленькой изогнутой детали. Но потом заметил, что голос за окном всё время один и тот же, очень жалобный. Молодой мужчина, или даже юноша, стонет – печально, безнадежно.

«...отец, прости, я не хотел... ты напугал меня, я растерялся...»

«...отец, прости, я не хотел... ты напугал меня, я растерялся...»

Выглянул из окна: пусто, ни души. Да и откуда бы – полночь, нормальные люди в такое время не гуляют. Чей это голос? В бога Ивар не верил, но почему-то перекрестился. Что за чертовщина лезет в голову? И ведь не пил сегодня. Кстати! Не пил. Ивар достал из тумбочки бутылку виски и стакан. Посмотрел на свет: не сполоснул в прошлый раз, на дне засохшее пятно. Ничего, сойдёт. Налил немного, выпил маленькими глотками. Голос за окном молчал.

Работать после виски Ивар не стал, ушёл в спальню, лёг на кровать, не зажигая лампы. Уличный фонарь залил половину потолка желтоватой мутью. На освещённом прямоугольнике извивались тени: ветер сердито махал ветками, словно спорил с невидимым собеседником.

Тот голос за окном... Кто-то звал отца, просил прощения. Как бы Ивар хотел услышать голос своего сына – он высокий, низкий? Может, Дима слегка картавит, как Полина. Ивар закрыл глаза, попробовать представить жену. Ему это редко удавалось: прошло много лет, фотографий не сохранилось. Когда Ивар вышел из тюрьмы и приехал в пустую родительскую квартиру, ни одного фотоальбома там не нашёл. Соседи, у которых ключи хранились, ничего не знали. Ивар почти забыл, как выглядела жена. Каждый вечер он надеялся увидеть Полину во сне. Иногда это получалось, и тогда весь следующий день он улыбался.

* * *

О сыне Ивар долго ничего не знал. В тюрьме получил письмо от родителей: Диму забрала семья Полины, встречаться с внуком им не дают. Прошли годы, родители умерли, у Ивара никого не осталось – ни друзей, ни родственников. Повезло только в одном: удалось сохранить родительскую квартиру. После тюрьмы Ивар прожил там несколько тяжёлых месяцев: воспоминания, косые взгляды соседей, да и на работу его никто не брал. Решил вернуться в Нарву – туда, где прожил лучшие пять лет: сначала с Полиной, потом и с Димой. Продал большую квартиру в Таллинне, купил поменьше, на берегу Наровы. На разницу в цене квартир соби-рался жить первое время, пока доходы не появятся.

Вспомнил, чем занимался раньше: до аварии он не просто перевозил иконы, он их сначала реставрировал. Теперь попробовал обновлять старую мебель. Получалось хорошо, клиенты рассказывали о мастере друзьям, без работы Ивар не сидел. Потом понял, что ему интереснее миниатюра. Большие антикварные вещи – это, конечно, выгодное дело, можно иногда ради денег брать заказы. Но в остальное время Ивар сидел, как часовщик, с мощной лупой на лбу и мастерил крохотные креслица в стиле ампир или рококо, натягивал пинцетом обивку, шлифовал завитушки специальными инструментами. Коллекционеров в Интернете хватало, надо было только места знать. Пришлось английский подучить, но с этим Ивар справился легко.

Он быстро привык к новой жизни, педантично работал по часам: с полудня до шести и с восьми до полуночи. Ничего, кроме работы, Ивара не интересовало. Выходные устраивал нечасто – только когда надо хозяйством заняться, прибраться, в магазин сходить. Работа его увлекала, он умел больше ни о чём не думать в это время. А вот по выходным Ивара мучили мысли о сыне. Где он теперь, как живёт?

* * *

Однажды ночью, когда Ивару опять не спалось, он не выдержал: начал искать Диму в Интернете. Сначала под своей фамилией: Дмитрий Сеппанен – ничего, под девичьей фамилией жены – тоже ничего. А у сестры её как фамилия? Вспомнил Сониного мужа, добродушного увальня с белёсыми ресницами. Ивар, когда с ним познакомился, спросил Полину: и как это Софью угораздило за такого выйти? Полина даже обиделась: нельзя же людей по внешности судить. Юрой его звали. Юра Староверцев. Фамилия редкая, по ней Ивар быстро нашёл в Фейсбуке Дмитрия Староверцева. Как только увидел фото, сразу понял: это он. Такие же

пышные светлые волосы, как у Полины. Такие же тонкие брови. И даже взгляд: смотрит так, будто сейчас рассмеётся.

Под своим именем Ивар не решился начинать общение, пришлось завести фейковый аккаунт. Имя выбрал говорящее, «Рави Икс»: анаграмма реального имени и слово «икс» как намёк, как желание скрыть настоящую фамилию. Ивар надеялся, что сын обратит внимание на странный ник и догадается переставить буквы. Конечно, если он вообще помнит имя своего настоящего отца. «Рави» читал все посты Димы, всегда ставил лайки, иногда комментировал. Дима иногда отвечал – мягко, иронично. Ивар копировал его ответы в отдельный файл и часто перечитывал: догадывается ли сын, что это я? Помнит ли меня?

С каждым днём Ивару всё больше хотелось написать сыну правду. Он искал подтекст в ответах Димы, пытался увидеть там намёки: да, я понял, это ты! Однажды ночью, перечитывая свежий комментарий сына, Ивар не выдержал и написал:

«Дима, я твой отец. Прости, что скрывался за другим именем. Боялся признаться. Я очень хочу тебя видеть».

Рано утром Дима отправил Рави короткое сообщение:

«Забудь обо мне. Ты мне не отец».

Ивар попытался оставить комментарий, но уже не смог: Дима его забанил. «Вот и всё, – подумал Ивар, закрывая крышку ноутбука. – Вот и пришёл конец нашей переписке. Зря я открылся».

Прошло несколько месяцев. Ивар уже свыкся с мыслью, что вернуть сына невозможно. Старался думать о нём как можно реже. А тут – это наваждение, этот стон за окном.

* * *

Следующей ночью Ивар снова услышал тоскливый голос. Разозлился: мне работать надо, ещё не хватало галлюцинаций! И пить нельзя, на сегодня самая сложная часть работы осталась: соединить крошечные детали миниатюрными штифтами. Рука дрогнет, и всё будет испорчено. Ивар встал, с силой захлопнул окно. В комнате стало тихо, только мерно жужжало сверло: вжжжж-жи, вжжжж-жи... оооотец-проооости, оооотец-проооости... Ивар сам не заметил, как начал бормотать слова, которые неслись с набережной. Пришлось включить музыку. Долго выбирал: что-нибудь знакомое, с текстом, чтобы подпевать.

Will you still need me... will you still feed me... when I'm sixty-four²...

По вечерам погода портилась, в конце сентября это обычное дело. Темнело рано, поднимался ветер, жалобно выл над Наровой, швырял в стёкла пригоршни листьев, а к ночи нагонял тучи и выкручивал их, как мокрые тряпки, прямо над рекой.

Вместе с ветром приходил и обладатель голоса. Ивар слышал его каждую ночь.

«...отец, прости, я не хотел... ты напугал меня, я растерялся...»

«...отец, прости, я не хотел... ты напугал меня, я растерялся...»

Сначала Ивар злился и наглухо закрывал все окна. Потом решил разобраться, что происходит. В призраков он не верил, для розыгрыша это слишком долго тянулось. Оставалось только одно объяснение: он сошёл с ума. Но почему тогда он так спокойно об этом размышляет? Ивар открыл ноутбук, начал гуглить – сначала наугад, по слову «призрак», потом постепенно сужал круг поисков: «призрак просит прощения у отца», «призрак сына говорит

² Из песни группы «The Beatles» «Когда мне будет 64 года», букв.: «Буду ли я еще тебе нужен, станешь ли кормить меня, когда мне будет 64 года?»

с отцом» – тоже не помогло. Попробовал найти легенды о Нарве, зачитался: столько интересного! Вот хотя бы история о рыцаре Индрике фон Беренгаупте.

«Когда в крепость ворвались русские, рыцарь отважно защищал свою семью. В замке бушевал пожар, враги не отступали. Рыцарь убил красавицу-жену, чтобы она не досталась врагам, потом повернулся к маленькому сыну, чтобы заколоть его, а потом и себя. Но комната уже заполнилась дымом, и рыцарь потерял сознание.

На другой день Индрик очнулся и узнал, что гроза потушила пожар, но сына увели с собой вражеские воины. Тогда рыцарь Индрик дал обет: отомстить русским за жену и сына. Двадцать лет Индрик копал подземный ход под рекой Наровой, чтобы проникнуть в Ивангородскую крепость и увести сына домой, в Нарву.

Но сын отказался идти. Он рассказал воеводе о подземном ходе, русский отряд вошёл в подземелье и двинулся в сторону Нарвы. В это же время им навстречу вышел отряд Индрика. Началась битва. Индрик бросился к сыну с мечом, но сын оказался проворнее и сильнее.

Как только Индрик погиб от руки сына, подтекающие своды туннеля рухнули, воды Наровы затопили подземелье, и оба отряда погибли. С тех пор по ночам, особенно в осеннюю ненастную погоду, над рекой раздаются стоны: сын Индрика не находит покоя, он ждёт, что отец его простит...»

Так вот чей это голос! Неужели он до сих пор мечется над рекой, ищет отца? Ивар попробовал представить себя на месте Индрика: двадцать лет не видеть сына, всё это время прокладывать дорогу на другой берег Наровы, а потом узнать, что ты больше не нужен своему сыну. Какая нелепая судьба. И только теперь Ивар понял, что думает не об Индрике, а о себе: ведь он тоже не видел сына почти двадцать лет, искал способ вернуть его, а потом получил ответ «ты мне не отец». Разница только в том, что Ивар всё ещё жив. Но почему призрак приходит именно сюда? Ивар открыл окно, завернулся в плед, сел на подоконник. Ветер тревожно захлопал ставнями соседних домов, взьерошил остатки листьев на ветках, рванулся к реке и привёл за собой знакомый голос.

«Где ты, отец? Отзовись. Я был зол на тебя. Ты убил мою мать, ты лишил меня семьи. Я вырос, я привык к новой жизни, я забыл тебя. Но ты нашёл меня, ты нарушил мой покой.

Я не мог вернуться, но ты не понял этого, ты хотел завоевать меня. Мне пришлось защищаться. Я растерялся. Я не хотел тебя убивать.

Прости, отец».

Ивару казалось, что это Дима говорит с ним из ночной тьмы, что это его голос звучит над рекой. Ивар приставил ладони ко рту и закричал, как в рупор, пытаясь перекричать пронзительный свист ветра: «Я прощаю тебя! Я больше не буду тебе мешать. Живи, как привык, и будь счастлив».

И сразу стало тихо.

* * * * *

Через неделю после того, как Дима впервые услышал голос призрака, ему снова пришлось поехать к родителям: Юлька замуж собралась, в субботу ждали гостей – семью жениха, и невеста никак не могла обойтись без старшего брата. Поздно вечером, когда все разошлись, Дима ушёл в свою комнату и открыл окно. Погода, днём ещё по-летнему тёплая, вечером совсем испортилась, ветер метался по аллее у дома, деревья били друг друга ветками. Дима вспомнил, как в прошлый его приезд домой, в такую же ненастную ночь, ему почудился голос невидимого старика.

Сегодня было тихо, только ветер играл с тополями. Дима сел на диван, начал читать френдленту, увлёкся интересной темой, быстро стучал по клавишам, спешил высказаться. Дописал комментарий, ждал ответа. Краем глаза увидел, как за окном мелькнуло светлое пятно. Птица? Такая крупная? Повернулся – конечно, там никого нет, просто показалось. Пошёл дождь: сначала редкие капли посыпались на листья и на асфальт, потом застучали всё чаще, всё сильнее, и скоро слились в сплошной гул. Но в шуме дождя отчётливо звучало что-то ещё. Дима прислушался: опять тот же голос.

«Осень опять наступила. Которая уж по счёту? Полтысячи лет прошло, сколько этих осеней я перевидал. И погода, как тогда: ветер воет, дождь льёт. А я всё ищу тебя, год за годом, век за веком.

Где ты, сын? Чую, ты меня слышишь. Чую, болит у тебя душа – по матери твоей убиенной, по детству загубленному, по родной семье.

Но... ты живой! Кто ты?»

В прошлый раз Дима подумал, что это злой розыгрыш: кто-то узнал о смерти его настоящей матери. Но сегодня голос разговорился. Что он там бормотал про полтысячи лет? Может, и правда старик тут жил пятьсот лет назад? Конечно, Дима не верил в привидения. Конечно, всё это не могло быть правдой. Но факт есть факт: за окном звучал голос и говорил про убитую мать. «Гугл тебе в помощь», – сказал себе Дима и начал искать легенды о реке Нарове. Не сразу, но нужная история в Интернете нашлась.

«Двадцать лет Индрик копал подземный ход под Наровой, чтобы пробраться к сыну и увести его домой, на другой берег. Но когда Индрик пришёл к сыну, оказалось, что всё было напрасно. Сын вырос среди русских, считал отцом человека, который его вырастил, и возвращаться в Нарву с Индриком не собирался».

Дима закрыл ноутбук, вскочил, походил по комнате, подошёл к окну. Бедный Индрик. При жизни сын его так и не простил, а теперь уже ничего не поделаешь. Так и будет призрак отца летать над рекой, искать сына. Но почему он именно сюда прилетает? Зачем ему Дима? Неужели больше не с кем поговорить о сыне?

Дима о своём отце старался не думать, особенно теперь, после сообщения в Фейсбуке. Оказалось, что назойливый зануда Рави Икс – это его отец. Дима его давно заметил: незнакомец явно пытался привлечь к себе внимание, ни одного поста не пропускал. Сначала Дима думал: ладно, пусть, мне не жалко. Даже отвечал ему иногда. Но когда узнал правду – забанил, не хотел его больше видеть.

И вот теперь этот голос за окном. Поневолу задумаешься: зачем он здесь? Дима всё чаще вспоминал Рави-Ивара. «Зачем он меня разыскал? На что надеется? Что хочет мне сказать?» – спрашивал себя Дима. Ответов у него не было.

* * *

Осень выдалась дождливой: что в Питере, что в Ивангороде. По выходным Димины друзья сидели в общаге, а он чуть ли не каждую неделю ездил к родителям. «Девушка у тебя там, что ли?» – спрашивали, но Дима отмахивался, ничего им не рассказывал. Да и что рассказывать? Что ездит в Ивангород слушать голос мёртвого старика? Чушь. Даже самому себе стыдно признаваться в таком. А старик не умолкал. По вечерам, когда родители и сестра уже спали, Дима открывал окно, прислушивался к жалобным стонам ветра и вскоре начинал различать слова.

Потом подолгу лежал без сна и думал об отце, сравнивал его с Индриком. Ведь если задуматься, Индрик не так уж сильно виноват перед сыном: всё могло сложиться по-другому, и жил бы он спокойно со своей семьёй. И не понадобилось бы двадцать лет рыть туннель на другой берег Наровы. Ну, Индрику уже ничего не поможет, он уже пятьсот лет как мёртв. Но Ивар-то пока жив. И ведь хотел встретиться. Зачем? Может, надо было согласиться?

В один из выходных, после очередной бессонной ночи, Дима решил написать Ивару. Зашёл в Фейсбук, нажал на «Сообщение», но колебался, глядя на пустое окошко. А надо ли это делать? Может, оставить всё как есть?

В дверь постучали.

– Да! Заходи!

Софья стояла на пороге, смущённо теребила ворот свитера.

– Мам? Что-то случилось?

– Да вот... знаешь... Я тут подумала... Мы с папой подумали... В общем, вот. Мы его нашли, – она быстро подошла к столу и положила перед Димой листок бумаги.

– Что это?

– Тут адрес Ивара. Твоего отца. И телефон.

В тот вечер Дима в последний раз услышал голос старика.

«...сын, прости... из-за меня ты остался без матери...»

«...сын, прости... из-за меня ты оста...»

Пятигорск

Существует легенда, что в первые годы советской власти во Второ-Афонском монастыре, что стоит на горе Бештау (Пятигорск), пытались укрыть свои сокровища богатые купцы и банкиры. Осенью 1927 года большевики реквизируют монастырское имущество, но золота-серебра оказалось так много, что верным ленинцам не хватило транспорта, чтобы вывезти сокровища за один раз. Было решено сделать в монастырь второй заход. За одну ночь монашествующие спрятали более 500 килограммов ценного металла в районе горы. Столько лет прошло, но так никому и не удалось отыскать хоть намёка на захоронение.

Муза Виктория Данген

*...Кавказ,
Где пасмурный Беитау, пустынный величавый,
Аулов и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас.
(А. С. Пушкин)*

Эта удивительная история произошла с одним журналистом во время его командировки на Кавказ. Но обо всём – по порядку...

Если верить в то, что у каждого человека есть талант, то всегда найдёшь для себя утешение. Талант, как Божья искра, согреет в самые ненастные дни твоей жизни. Одиночество, нищета, болезни – ничто не страшно человеку с частичкой Бога в груди.

Специальный корреспондент столичной полужёлтой газеты «Неизведанная Россия» Игорь Ленник верил в это. Тем более что ему приходилось писать о вещах редких, непонятных или вовсе выдуманных им же самим. Конечно, у него имелся кое-какой талант – куда без этого? Вот только маленький, незаметный, скромный... И размер таланта, к сожалению, имел значение! Получалось, что его таланта хватало только на журналистскую работу: поиск и анализ информационного повода да преобразование этого повода в интересный текст. Немало, если равняться на обывателей, но и немного, если сравнивать себя с настоящими писателями. Игорь боялся заходить в книжные магазины. Нет, у него не было редкой фобии или аллергии на запах полиграфической краски, – его мучила зависть. К тем счастливицам, что смогли пробиться в элитный клуб Писателей. Да, вот они все, эти тщеславные везунчики! Стоят на полочках: в твердых полноцветных переплётках или в мягких глянцевых. Сверкают довольными физиономиями на задней стороне обложки, выпячивают свои фамилии на корешке. Большие фолианты или тоненькие брошюры, современные авторы или давно почившие классики, – Игорь ненавидел их и завидовал каждому. Книги он, конечно, читал, но предпочитал электронные версии бумажным, это раз; а два – он принципиально не платил. Пытался найти пиратскую версию в интернете или выбирал классику. Не из экономии, нет, деньги на книги у него имелись. Игорь не хотел оплачивать чужой труд, увеличивать популярность автора, поощрять своим кошельком издательства. В то время, когда есть Он – настоящий писатель: интеллектуальный, ироничный, тонко чувствующий потребность сегодняшнего общества в настоящей литературе. Так он думал про себя, проходя мимо ярко освещённых витрин книжных магазинов или скромных уличных лавок.

На деле непризнанный писатель творил «в стол». В его активе были шесть незаконченных рассказов, три очерка о путешествиях и один большой исторический роман в детективном жанре. Игорь загорался какой-нибудь идеей и так же быстро терял к ней интерес. Всем его произведениям не хватало глубины. Проблемы героев были надуманными и неправдоподобными, да и сами герои были плохо «прочерчены». Вид чужого успеха злил Игоря, а после того как пена злости оседала, приходила меланхолия. Работа оттесняла творчество на второй план, дедлайн мешал заниматься рукописями, идеи новых произведений всё реже и реже посещали нашего автора, а продолжать старые записи становилось скучно.

Утро дня, с которого всё началось, вышло серым и однообразным. Большинство журналистов «совы», и Игорь не был исключением. Работать он предпочитал ночью и ложился спать, когда тусклый рассвет слегка размывал небо. В офис приползал последним и ещё час-полтора находился в коматозном состоянии, накачивая себя сублимированным кофеином, но и это не всегда помогало.

Заместитель главного редактора Всеволод Алексеевич Фисов разбудил отключившегося Игоря, звонко похлопав широкой ладонью по столешнице:

– Ну, всё, Ленник, просыпайся. Опять сидел допоздна, зенки в монитор тарачил?

При этом «зенки» самого замглавреда сузились настолько, что остались одни зрачки.

– Давай поднимайся и пошли в мой кабинет. Дело для тебя есть.

Всеволод Алексеевич был худощавым невысоким мужчиной предпенсионного возраста. Его лысина представляла собой образец прически «озеро в лесу», когда по бокам ещё остались посеребренные курчавые пряди, но центр сверкал гладью. Острые кончики ушей, длинный тонкий нос и хищный прищур глаз придавали ему сходство с лисой. Его так и называли: Старый Лис. За глаза, разумеется. А о его журналистской хватке в редакции ходили легенды: если Лис учуял след, это будет бомба!

Спецкор встрепенулся: возможно, наклонится интересная работёнка.

– Значит, так, Игорь, – замглавред «проиграл» пальцами на крышке стола неслышную мелодию. Он вообще любил постукивать, похлопывать, поглаживать руками различные предметы.

– У меня есть для тебя задание. Поедешь на Кавказ.

– В ссылку? – сострил Игорь.

– В отпуск! Тем более ты уже три года в нём не был. Отдел кадров негодует! Мол, заездил сотрудника, нарушение трудового законодательства, трудовая инспекция нам головы оторвёт и прочее. Пакуй чемоданы, парень. Совместишь приятное с полезным, так сказать. Соберёшь какой-нибудь остренький материал, ну, знаешь, чтобы с перчиком! И заодно водички минеральной попьёшь, свежим воздухом подышишь. Может, выпишься наконец-то... – мужчина строго и укоризненно взглянул на спецкора.

– Отпуск? В ноябре? Да ещё и на Кавказ?? – возмутился Ленник. – А куда потеплее нельзя?

– Во-первых, – начал менторским тоном замглавред, – у нас газета называется «Неизвестная Россия». Россия, понимаешь ли, а не Таиланд. Во-вторых, Кавказ – это же юг! По сравнению с другими округами нашей страны там тепло. Ну, относительно, конечно. И в-третьих: ты же молодой! Кровь кипит! Не замёрзнешь!

– Ясно. И что мне там делать? Йети в горах ловить? – фыркнул Игорь.

– А хоть бы и Йети! Поедешь по экскурсиям, по горам побродишь, глядишь и найдёшь какого-нибудь Йети-маньяка-расчленивателя, – и Старый Лис разразился мелким то ли кашлем, то ли хохотом. – В общем, для меня главное – твой отдых. Я уже и приказ соответствующий подписал. Но и про материал интересный тоже не забывай. Дерзай, Игорёк! – и начальник дружески хлопнул журналиста по плечу.

Ноябрьский Кавказ встретил спецкора неласково. Пегое, с пятнами облаков, низкое небо, ледяной ветер и пустая, не прикрытая снегом, земля. «Вот тебе и юг», – с досадой подумал Игорь и повыше поднял ворот пальто. Возле аэропорта, словно от холода, жались друг другу разномастные автомобили с шашечками. Мужчина поспешил к первому авто, передал свой чемодан водителю и с удовольствием юркнул в тепло салона.

– Куда? – задорно спросил водитель.

– Пятигорск, гостиница «Интурист». Знаешь такую? – отозвался Игорь.

– А то! – подмигнул в зеркало заднего вида таксист. – В командировку?

Водителю явно хотелось поболтать.

– В отпуск, – недовольно процедил Игорь.

– Кавказ – благодатный край! – таксист широко развёл руками, как бы приглашая гостя оценить красоты природы. Но природа была не готова к встрече «дорогого гостя» и вела себя очень сдержанно.

– Что-то благодати не видно, – кисло заметил пассажир.

– А вот зря вы так! – водила постарался отразить на лице обиду, но уже через секунду довольная улыбка вернулась на свое место. – Мне боги обещали всю неделю тёплую. Вот увидишь, завтра будет солнышко!

«О! Жизнерадостный шизик!» – подумал Игорь, но решил уточнить:

– Какие же боги Вам наобещали эдаких чудес?

– Как «какие»? – водитель удивлённо пожал плечами. – Обыкновенные. Боги природы: ветра, огня, земли, воды. Я у них что-то прошу, они обещают и всегда выполняют. Вот верите – всегда! Я иногда даже хочу, чтобы обещание не исполнилось. Потому как... знаете, что они мне тогда должны будут?

Игорь отрицательно мотнул головой.

– Вот-вот, не знаете, а тогда!.. Но никогда не бывало такого. Пока не бывало. Они же должны подношения отработать. Мою жертву, так сказать. Ведь боги очень любят жертвы. Вы знали об этом?

– Догадывался, – сухо ответил Игорь и отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен. Таксист несколько раз внимательно взглянул в зеркало заднего вида и обиженно замолчал.

Автомобиль приближался к пункту назначения. Вдалеке выростали тёмные горы с голыми склонами. Суровый Машук упирался телевизионной вышкой-пикой в пасмурную высь. Чуть дальше – пятиглавый Бештау, тёмный и грузный, вершины которого больше похожи на осколки зубов древнего чудовища. «И что мне здесь ловить? – грустно подумал Игорь. – Расположусь в номере и пойду искать зацепки для нового материала. А то я сдохну от скуки в этой глуши».

Машина остановилась перед «Интуристом». Спецкор с радостью отметил, что ему хотя бы не придётся жить в клоповнике, и эта мысль привела его в доброе расположение духа. Игорь решил распрощаться с водителем на дружеской ноте.

– Позвольте полюбопытствовать: а какую же жертву принимают ваши боги? – спросил он.

Словоохотливый в начале поездки водила нахмурился и серьёзно взглянул на своего пассажира.

– Такую же, как и все остальные: кровь и плоть, – без капли иронии выдал странный водитель, усаживаясь в машину. – И с тебя она спросит то же самое... – бросил таксист на прощание и захлопнул дверь.

«Шизик!» – беззлобно подумал спецкор, подхватил чемодан и направился к гостинице.

Следующее утро выдалось на удивление солнечным. Игорь выглянул в окно, зажмурился от яркого света и поплотнее задёрнул гардину. На какое-то мгновение он вспомнил слова таксиста и непроизвольно поёжился. Шизик оказался прав. Или... Или просто посмотрел прогноз погоды на неделю! Ха-ха-ха! Вот и всё его «вангование». Тупой приёмчик, рассчитанный на приезжих идиотов. «Нужно будет его опробовать на местных тёлочках», – подумал Игорь и направился в душ.

День был совершенно свободный, и Ленник стал придумывать работу, чтобы занять себя. В первую очередь журналист решил навеститься в архивы городской библиотеки, прошерстить местные легенды и предания, после заглянуть в музей. Потом, следуя заветам Старого Лиса, отправиться по экскурсиям. Каким именно – он решит после.

Городская библиотека, как и большинство культурных провинциальных сооружений, была выстроена в стиле «советский ампи́р»: высокие потолки, узкие коридоры, белые колонны и затёртый трескучий паркет. К счастью, посетителей не было, и Игорь направился в отдел специальной литературы. Две пахнущие нафталином жрицы культа знаний были рады погово-

рять с молодым московским журналистом. Узнав о предмете его интереса (мифы и легенды Кавказа), наперебой потащили ветхие книги.

– Вот, молодой человек: этой литературы вам должно хватить. Посмотрите записи фольклористов, легенд о Кавказе очень много, – проворковала первая жрица с седыми буклями и в вязаном плотном жакете.

– А вообще, – вторила ей библиотекарь помоложе, – пройдите по классикам. Ведь у нас на Кавказе перебивали практически все великие русские писатели: Толстой, Чехов, Лермонтов, Пушкин!

– Кстати, Пушкин очень любил прогулки по Бештау, – поддакнула «букля». – В своих мемуарах он сравнивал Бештау с греческим Парнасом и говорил, будто там его посещают музы!

– Пушкин был знатный враль, дамы, – осклабился спецкор. Великий классик раздражал его не меньше остальных удачливых «коллег».

Женщины удивлённо переглянулись и оставили посетителя наедине с книгами. Часы пролетели незаметно. Игорь познакомился с нартским эпосом, со всеми мифами Кавказских гор, даже нашёл парочку легенд, связанных с горой Бештау. Одна легенда его особенно заинтересовала: про монастырский клад. Игоря, как и любого мужчину, манили приключения, тайны. А тут целый клад! Ну как устоять? «А из этой легенды, при должном старании, может выйти интересный материалчик на две полосы. Монахи, большевики, несметные богатства. Читатель такое любит!»

После библиотеки спецкор отправился в местный краеведческий музей. За двадцать рублей он прослушал прескучную лекцию про становление и развитие города-курорта Пятигорска. Единственное, что его заинтересовало во всей экскурсии, так это короткий рассказ про ландшафтные особенности и геологическое строение горы-лакколита Бештау. Оказывается, на горе есть небольшое озеро: оно находится чуть ниже мужского монастыря и носит название Монастырского. Начинаящий кладоискатель вспомнил вычитанные в библиотечной книге «водяные замки»: любимый способ сокрытия кладов на Кавказе. «Не там ли припрятаны сокровища? Нужно изучить!» – отметил про себя спецкор. Он отправился в гостиницу писать черновики. На следующий день у него была запланирована экскурсия. Что именно посетить, Ленник определил ещё в музее: озеро близ монастыря.

– Молодой человек! Вы на экскурсию? Тогда скорее заходите в салон! – бойкая женщина-экскурсовод указала сонному Игорю свободное место в микроавтобусе.

Он лениво зевнул и осмотрел скромную публику: преобладала женская аудитория пенсионного возраста. Наверняка припозднившиеся курортники. Какая-то дамочка энергично вскочила в салон и, нацепив очки на нос, стала сверяться со списком фамилий экскурсантов. Все были на месте, и автобус плавно тронулся. Женщины тут же достали платки, суетливо повязали их на голову. «Ну да, ну да, – подумал спецкор, – экскурсия же в монастырь». Дорога до монастыря была на удивление хорошая, без ям. Она плавно извивалась, не доводя путешественников до дурноты. Вид ноябрьской природы с остатками былой осенней роскоши тянулся за окнами авто. Вот и ворота мужской обители. Экскурсанты высыпали из душного салона и окружили экскурсовода. Игорь не стал слушать: экскурсовод ничего полезного для него не расскажет. Водитель микроавтобуса вылез из кабины, надсадно крикнул и закурил. Игорь направился к нему, стрельнул сигаретку, затянулся.

– Тоже кефирник? – пуская табачное облако, пробасил водила.

– Не понял вопроса?

Шофер хмыкнул.

– «Кефирники» – это отдыхающие по-нашему, приезжие на курорт. Полечиться, значит, и попить кефиру.

– Понял, но нет. Я в командировку приехал, – не моргнув соврал Игорь, – веду журналистское расследование.

– О, – водила оживился, – журналюга, значит! Под кого копаешь?

Ленник поморщился от грубого «журналюга», но решил на этом не заострять внимание.

– Ничего интересного: так, легенды местные собираю. Вот как раз хотел узнать у вас про монастырское озеро. Далеко оно отсюда?

– А-а-а, – разочарованно протянул шофер. – Да тут оно, чуть ниже. Вон, по той тропинке пойдёшь вниз и прямо к нему спустишься. Только, мужик, смотри! Мы в час отправимся, я тебя ждать не буду! – прокричал водитель в спину спецкора.

Тропинка, а скорее козья тропка, утопала в жухлой листве и сухоцветах. Пару раз мужчина чудом удержался от падения на скользкой и мокрой листве. Водила не обманул: озеро действительно находилось недалеко от монастыря. Небольшое, овальной формы, обрамленное низким забором камышей, оно было спокойным и тихим.

«Озеро как озеро, – подумал спецкор, – ничего особенного». Он прошёлся по пологому берегу с одной стороны и по крутому с противоположной. Задержался возле огромной старой ивы, посмотрел на вкрапления яблочно-зелёной тины у берега и тёмное пятно озерных кувшинок в центре водоёма с крупными бледно-розовыми чашечками цветов. «Ни-че-го», – вздохнул он и, вывернув на козью тропку, медленно стал подниматься к экскурсионному автобусу.

Вечером того же дня в номере Игорь безуспешно пытался написать интересный материал для статьи. Изюмины в этой истории не хватало. Игорь размышлял: «Закопать клад можно, но чем прикрыть свежую землю? Палево. В легенде говорилось про общий вес ценного металла до пятисот килограммов. Прилично. Далеко не унесёшь. По горам с такой ношей не ходишь. А что если не вверх тащить, а вниз? Спустить вниз, а там... Озеро! Спрятать клад в воде сложно, но возможно. Сделать плотину, прямо на дне водоёма выкопать яму поглубже, зарыть сокровища, а плотину сломать – вода закроет захоронение!»

Спецкор возбужденно заходил по комнате. От лихорадочных мыслей стало жарко, он открыл окно и выглянул на улицу. По-зимнему холодный ветер обжёг носоглотку и наполнил легкие. «Горный воздух», – подумал спецкор. И тут в памяти всплыли нежно-розовые бутоны, качающиеся на мутной воде озера. Кувшинки? В горах?! В ноябре?! Игорь захлопнул окно и потерял виски. Привиделось? Нет, он точно помнит. Ленник схватил лэптоп и вышел в сеть. Так и есть: кувшинки – теплолюбивые растения, цветут с июня по август в зависимости от вида. В горах не растут. Он снова задумался. Как странно. Почти невероятно! Может, кувшинки – это знак? Своего рода отметка. Может, несметные сокровища спрятаны под ними?! Но точно ли они ему не привиделись? Возбуждение было настолько велико, что спецкор схватил куртку и выбежал из гостиницы. На улице прыгнул в первое попавшееся такси и, не дожидаясь вопроса, протянул тысячную купюру, коротко бросив: «На Бештау!».

Осенний вечер радостно, без сопротивления, уступил место холодной ночи. Таксист остановил автомобиль на том месте, где этим же днём высаживалась экскурсионная группа.

– Извините, – обратился спецкор к водителю, – у вас есть фонарь? Я заплачу.

– Штука за прокат, – не раздумывая долго, отозвался водила.

Спотыкаясь, проскальзывая и ругая жадного таксиста, Игорь вприпрыжку достиг озера. Бледно-жёлтое яблоко луны освещало тёмные воды, оглушающая тишина обволакивала гору. Ветер пробежал по кронам полуголых деревьев, взёрошил оставшиеся листья, да и убрался восвояси. Новоявленный сталкер пробрался к пологому берегу, чтобы лучше рассмотреть кувшинки, и включил фонарь. Бутоны тонконогими свечами возвышались над водой, правда, они уже закрылись.

– Я не ошибся, – выдохнул спецкор, – кувшинки в ноябре. Я такое напишу – Старый Лис охренеет! Да что там статья! Я напишу рассказ. Нет! Целую книгу! Исторический детектив.

Со столичным следователем в главной роли. Он приезжает в курортный городок на воды, а тут проходит слух про мистическое исчезновение огромного состояния...

Вдохновение накрыло спецкора. Погружённый в замысел нового бестселлера, он и не заметил, как проговаривает все мысли вслух. Вдруг от кувшинок отделилось тёмное пятно: что-то непонятное быстро и бесшумно приближалось к берегу. Из воды выскользнула удлинённая фигура. Ленник испуганно отступил, но неловко зацепился за выступающую корягу и рухнул на землю, выронив фонарь. Нечто извивающееся стремительно подползло к спецкору, и он увидел перед собой женоподобное безносое существо с большими выпуклыми глазами. Существо уперлось руками в землю и нависло над бедным журналистом.

– Значит, писатель, – пропела нежным голосом озёрная дева. – Не пугайся. Я наяда, дух этого озера, и я преклоняюсь перед талантами, можно сказать, служу талантам. Была у меня одна встреча... – наяда задумчиво подняла глаза к луне. – Много-много зим назад возле этого озера бродил поэт, возлюбленный музы Эвтерпы. Она щедро одарила его талантом! А я, любя её даром, пела поэту прекрасную грустную песню о неразделённой любви молодой черкешенки к русскому пленнику. Художники, поэты, писатели: многие находили вдохновение у вод этого озера. Ах, как давно это было! И теперь ты...

Тело спецкора сотрясала дрожь. Существо приблизилось к самому его лицу, и он почувствовал душный запах болота, тины и прелой травы. Нимфа не сводила с него тёмных глаз.

– Очень давно один странник набрёл на дикое озеро в лесу. В тёплых прозрачных водах его он умылся, отдохнул в тени деревьев, что росли неподалёку. И захотелось страннику увезти домой частичку этого места. Он не нашёл ничего лучше, как прихватить с собой корни кувшинок, росших в этом же озере. А в корнях жемчужной икринкой спала я. Путешественник посадил кувшинки в это горное озерцо, и... видит Зевс, как тяжело мне оберегать нежное растение в суровых холодных водах! Знал ли ты, писатель, что тёплая человеческая кровь хорошо питает и согревает не только диких зверей? Ты тщеславен, я хорошо это вижу. Гредишь о великих произведениях, что покорят умы твоих соплеменников. Вот только ни одна из муз не выбрала тебя. А значит, ты только-то и годишься на корм моим кувшинкам!

Она оскалила широкий рот, усеянный мелкими острыми зубами, – жуткое подобие улыбки на потустороннем лице. Мокрой ледяной ладонью наяда стиснула руку спецкора и потянула к тёмной воде. Игорь не мог сопротивляться. Только беззвучно открывал рот, тщетно пытаясь издать хоть один звук.

– Господи Иисусе!!! – пронеслось в голове у журналиста.

Боковым зрением он уловил движение света за густыми зарослями кустарника. Тварь ослабила хватку, словно к чему-то прислушиваясь, а свет быстро приближался. В окружении яркого свечения появился низенький старец. Он приблизился к Игорю, лежащему у самой кромки воды, посмотрел на наяду и просто сказал: «Отпусти».

Существо отшатнулось, зашипело и скрылось в толще ледяной воды. Тяжело дыша, перепуганный спецкор отполз от озера на сколько хватило сил.

– Вставай. Всё закончилось, всё закончилось... – ласково сказал благообразный старец.

В его умиротворённом лице было столько любви, что при виде его страх отступал и мрак рассеивался. Не только в лесу, возле страшного озера, но и в душе неудачливого кладоискателя.

Молчаливая луна заглянула в окно братской кельи, осветив своим мертвенно-бледным светом всё вокруг. Монаху Сергию не спалось. Он подошёл к окну и выглянул в сторону монастырского озера. «Всё как в ту памятную ночь», – подумал монах. Воспоминания всколыхнули его душу, и жажда покаяния подвела к образам. Сергей склонился перед иконами и долго благодарил Господа Бога за милосердный дар жизни и за наставление на путь истинный. Завер-

шит он как обычно, горячей молитвой за избавление людского рода от греха гордыни. Греха, которым и сам был когда-то отравлен монашествующий Сергей, в миру Игорь Ленник.

А сокровище... Он действительно нашёл его, обретя свое истинное предназначение. Не обманула старая легенда. Да и легенда ли это?

Нефтеюганск

Стела Комсомольской славы в Нефтеюганске, расположенная в центре города, была построена в 1978 году к 60-летию ВЛКСМ. В день открытия в памятник заложили капсулу времени с посланием к комсомольцам 2018 года. Этот исторический факт и послужил основой для создания новой городской легенды, которых не так много в городе, отметившем в 2017 году свое пятидесятилетие. Реальные события из богатой истории Югры и Нефтеюганска переплетены с авторским вымыслом. Все персонажи в рассказе вымышлены, а совпадения непреднамеренны и случайны.

Проклятие старого шамана

Ольга Слауцкая

Старик провёл иссохшей ладонью по неровностям бетонного барельефа. За долгие годы он выучил каждый изгиб рисунка, малейший выступ, мельчайшую трещинку на изображениях тех, кто носил гордые и громкие имена: комсомольцев, первопроходцев, покорителей Западной Сибири, первооткрывателей её богатых земных недр. Символы ушедшей эпохи... Но разве мог он тогда, ослеплённый жаждой мести, предвидеть падение страны, казавшейся нерушимой?

– Время истекает, – шептали губы, пока старый хантыец шаркающей походкой совершал очередной ритуальный обход вокруг памятника, который стал его надеждой и проклятием.

Слезящимися глазами старик смотрел на идущих мимо прохожих: молодых женщин с колясками, шустрых велосипедистов, подростков, на ходу уткнувшихся в телефоны, симпатичную парочку, примостившуюся в тени на скамейке. Никто из них не подозревал, какую страшную тайну хранит этот проклятый памятник в самом сердце города. А узнал бы, не поверил. Ведь не осталось никаких доказательств, кроме ветхих воспоминаний, сохранившихся в дряхлеющей памяти. Лишь он один видел внутри бетонной глыбы чёрный клубок дремлющих змей, ждущих своего часа, чтобы вырваться на свободу и впитаться ядовитыми жалами в любого, кто окажется рядом.

– Бегите, безумцы, – хотел крикнуть старик, но лишь надсадный кашель вырвался из его горла, словно сжатого злой холодной ладонью. Нет, ОН никогда не позволит ему повернуть назад. ОН изголодался и ни за что не упустит жертву, которую ждал так долго. И хочет, чтобы старик дотянул и увидел своими глазами, как свершается месть и наступает людей гнев древних забытых богов.

«Елта-ку не может отказаться от своего призвания, – звучал в ушах голос старой хантыйки. – Иначе духи ему отомстят».

Но разве по своей воле он оказался оторван от корней, от наследия своих предков, уготованного ему от рождения? Пришельцы, чужаки... Упорные и бесстрашные, опьянённые жаждой черного золота, они пришли осваивать суровую землю его народа и с самоуверенностью победителей совлекли с неё один за другим сакральные покровы тайны, веками хранимые и хранившие жителей бескрайней тайги. Они вырубали леса, иссушили болота, построили города. И так глубоко вгрызлись в землю их железные буровые, что потревожили даже грозного повелителя подземного мира. Но древние духи оказались бессильны перед оглушительным неверием дерзких пришельцев и их яростным отрицанием всего, что выходит за рамки материального мира. Священные озера осквернены, святилища в тайге заброшены и забыты, память предков стирается из поколения в поколение. Лишенные жертв и приношений духи утратили свою силу и спрятались в укромных местах. Случилось то, о чём предупреждал семью дед, когда в тайге, на берегу одного из притоков Казыма застучали топоры чужаков...

Старик с ненавистью посмотрел на каменные лица, навеки застывшие в бетоне. Они сами виноваты в том, что на их детей и внуков падёт проклятие Куль-Отыра. И пусть свершится уготованное.

Володя давно уже выбрал удачный ракурс и нацелился объективом, но маленький, сморщенный, как сушёная груша, старикашка всё никак не отходил от памятника, появляясь в кадре снова и снова.

– Мне эта стела Комсомольской славы скоро в страшных снах будет являться, – устало вздохнула Катя у Володи за спиной. – Надеюсь, на этот раз снимки никуда не исчезнут.

Он не ответил, хотя досадовал не меньше. Второй раз им пришлось тащиться в центр города, чтобы сделать фото, поэтому Володя хорошо запомнил прямоугольное сооружение из бетона. С одной стороны памятника выстроились друг за другом люди разных профессий. С другой – вслед за горнистом в шинели и будёновке шагали к светлому будущему комсомольцы. Центральную часть венчало изображение Павки Корчагина и надпись «ВЛКСМ».

– Интересно, – спросила его тогда Катя, разглядывая шесть орденов комсомола, – сколько горожан без Википедии расшифруют эту аббревиатуру? Вот ты можешь?

– Честно? – ответил он. – Для меня эти картинки всё равно что иероглифы на египетской пирамиде.

Он вообще в тот день впервые внимательно пригляделся к стеле, которая была всего лишь привычной частью городского пейзажа.

Наконец старикашка куда-то убрался, и Володя сделал вдвое больше кадров, чем в прошлый раз. В его практике фотографа и раньше случались внезапные исчезновения ценных снимков, но обычно по вполне объяснимым причинам. А сейчас он не понимал, как двадцать файлов бесследно пропали из памяти не только совершенно исправного фотоаппарата, но и недавно купленного ноутбука. Поэтому сразу после съемки, пристроившись на скамейке прямо напротив злополучного памятника, Володя принялся копировать файлы на все имеющиеся в наличии носители информации и по электронке отправил копии себе, Кате и ещё паре друзей. На всякий случай.

Пока Володя возился с ноутбуком, Катя изучала свой исписанный вдоль и поперек блокнот, которому в последнее время доверяла больше, чем современным гаджетам. А потом принялась бродить вокруг памятника не хуже того старикашки. Все они в своем краеведческом музее немного одержимые. Подрабатывая внештатным фотографом, Володя знал, что в последнее время в музее творилась какая-то загадочная истерия, скрытая от непосвященных обетом молчания.

– Слушай, а что не так с этим памятником? – небрежно поинтересовался он, укладывая фотоаппарат в сумку, когда хмурая напарница снова села рядом.

– Да всё с ним не так, – обречённо махнула рукой Катя.

На её симпатичном лице отобразилась сложная гамма чувств, и после секундного колебания она добавила:

– Понимаешь, его открыли в 1978 году в честь шестидесятилетия Ленинского комсомола, девятнадцатого октября. То есть сорок лет назад. И не просто открыли, а заложили в него капсулу времени с посланием от комсомольцев семидесятых комсомольцам двухтысячных, понимаешь?

Володя кивнул. Но всё это он уже читал в интернете и хотел знать больше.

– В прошлом году, кажется, что-то подобное с капсулами времени было.

– Ну да, – оживилась Катя. – В Курске, Красноярске, Новосибирске, да много где.

– Ещё в соцсетях глумились, что вот, мол, наивные люди. Думали, в 2017 человечество на Марсе коммунизм построит, а мы всё ещё на Земле копошимся. Общество потребления...

– Только в других городах капсулы в год столетия Революции вскрывали. А у нас – в год столетия ВЛКСМ. Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодёжи. В этом году её вскроют, в 2018, понимаешь?

– А ни комсомола, ни коммунистической партии уже давно нет, – усмехнулся Володя. – Даже страны такой – Советский Союз – тоже нет. Эпик фейл.

– Главный эпик фейл не в этом, – Катя помрачнела и спрятала блокнот в сумку.

Узнав, в чём дело, Володя ещё долго распугивал хохотом голубей и прохожих. А вот Кате было совсем не до смеха.

Директрису музея не зря начинало трясти от злости при упоминании о стеле Комсомольской славы. Ещё бы, ехидно хихикали сотрудницы в подсобках, заветная должность зама в городском департаменте культуры уплывала от неё, как белый парус в тумане. У самой Кати тоже уши начинали гореть, стоило вспомнить тот крайне неприятный разговор, который случился в городской администрации на заседании оргкомитета по подготовке к празднованию столетия ВЛКСМ. Угораздило же директрису взять тогда с собой именно её, молодую неоперившуюся сотрудницу.

В честь памятной даты планировалось пафосное мероприятие с приглашением всей политической элиты города и даже губернатора округа. И вдруг внезапно выплыло, что никто не знает, в какой именно части памятника замурована капсула времени. Через два месяца на глазах у всего города мэр должен её торжественно достать, а откуда – неизвестно. Сконфуженные члены оргкомитета сидели с пунцовыми лицами, когда замглавы города, выставив журналистов за дверь, высказал всё, что думает о компетентности подчиненных. Всех собак в конечном итоге спустили на директрису музея, а она – на своих сотрудниц, которым дала поручение в кратчайшие сроки выяснить, где замурована злосчастная капсула, пригрозив лишением премий и прочими карами.

Хотя Катя в корне была не согласна с такими методами мотивации, она любила свою работу. Историческое расследование, пусть даже начатое не по своей воле, пробудило в ней азарт исследователя. И она стала копать. Вскоре большая пробковая доска над ее рабочим столом сплошь пестрела стикерами и ксерокопиями старых газет и фотографий. Пришпиленные цветными кнопками листы бумаги были вдоль и поперёк исписаны таблицами, схемами и прочими ей одной понятными каракулями.

Однако с каждой новой попыткой восстановить события сорокалетней давности она словно упиралась в бетонную стену. Ответ на самый главный, мучивший её вопрос ускользал меж пальцев, как рыба на мелководье.

– Понимаете, Светлана Игоревна, – отчитывалась она директрисе на очередной планерке, веером выложив стопку бумаг. – Упоминания о капсуле времени есть в книгах, газетах, в теле-репортажах, в интернете. Правда, все они однотипные и в основном копируют друг друга. Но никаких документальных свидетельств о месте закладки капсулы не сохранилось.

– Невероятно, – поджимала алые губы директриса и стучала наманикюренными пальцами по глянцевого столешнице раритетного стола из массива дуба, неисповедимыми путями попавшего в её кабинет. – А как же архив?

– В конце девяностых в архиве случился пожар. Все документы, касающиеся памятника, сгорели.

– А библиотека?

– В 2008 году, когда городская библиотека переезжала в новое здание, один ящик с документами был бесследно потерян.

– А может, и не один... Хорошо отмазались, – бормотала директриса, откидываясь в большом кожаном кресле.

– Что?

– Старожилов, говорю, опрашивали? Не может быть, чтобы не осталось очевидцев. Памятник строила целая бригада! На открытии присутствовала половина города! Хоть кто-нибудь да видел, куда засунули чертову капсулу?!

Успокоить директрису, которая после подобных бесед запиралась в кабинете, не желая никого видеть, Кате было нечем. Она сбилась с ног, разыскивая очевидцев, но всё без толку. Имена одних не сохранились, другие переехали, третьи умерли. А из тех, кого удалось найти, никто не помнил точное место. Словно какая-то повальная амнезия поразила жителей города,

точечно ампутировав одно маленькое воспоминание о самом важном событии девятнадцатого октября 1978 года.

Но однажды ей повезло.

– Это был настоящий праздник, – говорил Виктор Павлович, и его взгляд ностальгически туманился. – Как сейчас помню: народу! Вокруг транспаранты с лозунгами, красные флаги... Собралась вся городская партийная верхушка. Речи сначала, как водится, говорили. Сам монумент белым полотном закрыли. А снять его доверили лучшим комсомольцам города. Это ж такая честь! И вот, помню, звучит гимн Советского Союза, к подножию стелы несут памятную гирлянду с красной лентой, стоит почётный караул из старшеклассников... Их в форму пограничников и матросов, помню, одели. А вечером пионеры из «Алого паруса» с зажжёнными факелами пришли.

Впитывая каждое слово, Катя старалась даже не дышать, чтобы не спугнуть поток воспоминаний очередного старожилы. Сиротин Виктор Павлович. Бывший работник городского комитета комсомола, ныне пенсионер, подрабатывал гармонистом в нефтеюганском хоре «Ветеран». По Катиной просьбе они встретились около музейного комплекса на набережной после творческого вечера, посвященного первопроходцам, основателям города. Виктор Павлович был весел и, устроившись на ближайшей скамейке, охотно поведал подробности того далёкого октябрьского дня.

– А вы видели, как капсулу времени в памятник замуровали? – дождавшись паузы, Катя приступила к теме, интересующей её больше всего.

– Разумеется, видел. Я же всё это дело на плёнку снимал.

Диктофон едва не выскользнул из внезапно вспотевшей ладони. Никто из сотрудников музея знать не знал о существовании записи с открытия памятника.

– Да, – продолжал старик, явно довольный, что ему удалось полностью завладеть её вниманием. – Мне как раз приятель с большой земли привёз списанную старенькую видеокамеру «Аврора». Небольшую такую... Ну, по тем временам небольшую. Вот я по поручению горкома партии и снимал.

– А у вас сохранилась запись? – с замиранием сердца спросила Катя.

– Да там такая история произошла... – Виктор Павлович пригладил седую макушку ладонью, и Катя похолодела от нехорошего предчувствия. – Снимаю я, значит, как наш первый секретарь горкома КПСС говорит речь в микрофон, потом ему помощники подают записку с посланием. Сам-то текст я уже не помню...

– «Мы комсомольцы семидесятых, верные идеалам родной коммунистической партии. Мы обращаемся к вам, комсомольцам 2018 года: чтите святыне традиции советского народа, крепите дружбу великой многонациональной страны», – процитировала Катя текст, который успела вы зубрить не хуже, чем пионерка-отличница клятву перед вступлением в комсомол.

– Верно, – уважительно кивнул собеседник. – Так вот. Прочитал он эту бумагу, свернул, положил внутрь капсулы. Она, знаешь, вроде термоса алюминиевого. Ну, тут аплодисменты, фанфары. И только секретарь поворачивается к памятнику, чтобы капсулу в нишу положить, вдруг у него прямо из-под ног птица вроде голубя как порхнёт! Откуда только взялась. Секретарь капсулу-то и выронил. Я и сам камеру чуть с перепугу не упустил. Конфуз! Хорошо Степаныч неподалёку стоял, капсулу-то эту подхватил, да секретарю обратно и отдал. Ну, и замуровали её, как планировали, всё честь по чести.

Катя выдохнула. Вот так история. Ничего подобного об открытии памятника не сохранилось в тех обрывках информации, которые ей удалось найти. Это в нынешнее время неприятное происшествие засняли бы сотнями мобильных телефонов и пустили гулять по интернету с глумли-

выми комментариями, а тогда быстро замяли. Катя покосилась на диктофон, который исправно фиксировал каждую секунду разговора.

– Значит, вы видели, куда именно капсулу замуровали? – её ладонь непроизвольно вцепилась в край скамейки.

– Как куда? В памятник.

– А куда конкретно, вы можете указать?

Виктор Павлович напряжённо потер переносицу, и его молчание показалось вечностью.

– Нет, – наконец изрёк он. – Хоть убей, не помню.

– А плёнка?! Где она сейчас?

– А плёнка засветилась вся, – виновато развёл руками Виктор Павлович. – Как так получилось, сам не понимаю. Но выговор получил от начальства знатный. Премии лишили.

Все Катины надежды снова рухнули и покрылись пеплом разочарования. Закусив губу, она с трудом сдержала злые, досадливые слезы, пытаясь в очередной раз смириться с неудачей. И вдруг её осенило:

– А кто такой Степаныч? Который капсулу поднял?

– Юхлымов. Иван Степанович, – поспешно ответил Виктор Петрович, словно желая загладить свою невольную оплошность сорокалетней давности. – Водителем работал у председателя горкома. Мы с ним близко знакомы не были. И я много лет его не видел. А тут недавно встретил. Как раз у того самого памятника. Ходил вокруг него кругами, руками махал, бормотал что-то. А меня заметил – сделал вид, что не узнал, и в другую сторону ушёл.

– Кругами ходил? – переспросила Катя, пытаясь ухватить какое-то смутное воспоминание.

– Он вообще на почве этого памятника свихнулся малость, – тихо добавил Виктор Павлович.

Тогда Катя и не подозревала, в какие дебри приведёт её новый след.

Иван Степанович Юхлымов оказался «темной лошадкой». В Обществе старожиллов и в Совете ветеранов, где Катя наводила справки, о нём знали очень мало. Любые приглашения поучаствовать в мероприятиях старик неизменно отвергал. Даже в день своего девяностолетия он наотрез отказался от визита мэра города, который лично хотел вручить юбиляру поздравительный адрес от президента. Нелюдимого старика оставили в покое и забыли. Лишь у знакомой из Управления соцзащиты, услуги которой Юхлымов, несмотря на преклонный возраст, тоже не принимал, Кате удалось узнать его телефон.

Эта же знакомая косвенно подтвердила нездоровый интерес Юхлымова к стеле Комсомольской славы. Ходили слухи, что в начале девяностых он обратился к главе города с просьбой снести стелу. Что он наплёл в кабинетах новоиспечённой власти, неизвестно, но избавляться от символов недавнего коммунистического прошлого тогда было модно, и его идею поначалу поддержали. Но к счастью, дело быстро заглохло за неимением средств, а потом властям и вовсе стало не до памятника. Уже в двухтысячных он несколько раз добивался приёма у депутатов и даже мэра города, но нёс там такой бред, что его едва не уpekли в психушку. Какой именно бред нёс старик, служащая соцзащиты не знала, но у Кати теперь был шанс выяснить это лично.

Голос Юхлымова в трубке походил на карканье старого ворона. Сразу стало неудобно и зябко, несмотря на тёплый августовский вечер, солнечными бликами проникавший в кабинет сквозь пыльные оконные жалюзи.

– Что вам от меня нужно? – спросил старик, когда Катя, не вдаваясь в подробности, объяснила причину своего звонка.

– Мы хотели бы пригласить вас на церемонию торжественного вскрытия капсулы времени, как очевидца тех событий...

– А вы откуда знаете, что я очевидец?

– Мне рассказал о вас Сиротин Виктор Павлович, – выпалила Катя и запоздало прикусила язык.

– Сиротин, значит, – протянул Юхлымов. И Кате не понравилось, как он это сказал. – Выходит, капсулу всё-таки вскроют?

– Ну, да. Её ведь для этого и замуровали.

– Свершилось! Я ждал этого сорок лет! – воскликнул старик и заговорил, словно обращаясь к кому-то, стоящему рядом:

– Ты – глупец! Ты делал всё, чтобы люди забыли. Но тебе ли со мной тягаться?!

И вдруг старик рассмеялся. Долго и неприятно. Смех то стихал, то наполнялся новой силой, пока не перешёл в сильный кашель. Катя невольно отстранила телефон от уха, будто частички слюны собеседника могли пролететь сквозь разделявшее их пространство. Но нездоровое любопытство и желание довести дело до конца не давали отбросить трубку. Внезапно смех оборвался, и на том конце повисла гнетущая тишина. Лишь фоном доносился раздражающе монотонный ритмичный рокот и бормотание, словно Юхлымов включил радио.

– Иван Степанович? – позвала Катя, ни на что уже не надеясь, и вздрогнула, когда тот откликнулся.

– Вы слышите? – голос Юхлымова звучал неуловимо иначе, словно трубку взял другой человек. – Бубен нижнего мира уже стучит для меня. Куль-отыр будет зол, если я не завершу начатое. Ему нужна жертва. Но я... не хочу... чтобы от его гнева пострадали... люди. Это... это неправильно...

Безумная речь прервалась тяжёлым дыханием астматика.

– Вам плохо? – испугалась Катя. – Давайте я перезвоню...

– Нет! Не кладите трубку!

– Хорошо, хорошо! Я слушаю, только успокойтесь...

– Нельзя вскрывать капсулу! В ней – смерть! Проклятие Куль-отыра...

Потрясенная Катя молчала.

– Вы должны прийти. Я вам всё расскажу. Пока ещё могу...

Катя долго сидела в кабинете с умолкнувшей трубкой в руках. И не сразу вспомнила, на кого походил старик. На Голлума из фильма про хоббитов. А ещё поняла, что никакая премия на свете не заставит её встречаться с Юхлымовым.

Утро рабочего дня Катя начала с того, что нашла одну из сотрудниц музея, которая разбиралась в мифологии ханты и манси, и поинтересовалась, кто такой Куль-отыр. Сотрудница удивилась, но рассказала, что знала, и даже провела по экспозиции и показала куклу-фетиш из чёрных и синих лоскутков. Катя покрутила в руках тряпичную фигурку. Не самый приятный персонаж. Бог нижнего, подземного, мира, создатель червей, жуков и комаров, властитель болезней и злых духов – кулей, владыка мёртвых. Мог навести на человека безумие, довести до самоубийства. В то же время его, как и любого духа, можно было сделать своим покровителем и задобрить хорошим приношением, а ещё лучше жертвой.

– Человеческой? – вырвалось у Кати.

– Оленей было достаточно, – поджала губы собеседница и усадила тряпичное божество обратно над входом в импровизированное хантыйское жилище.

Поразмышлять в кабинете за чашкой кофе не удалось. Директриса созвала планерку и во всеуслышание сообщила, что проблема решена и местонахождение капсулы известно. Выразительно поглядывая на удивлённых сотрудниц, Светлана Игоревна посетовала, что была

вынуждена взять дело в свои собственные руки и лично отправиться в командировку в Екатеринбург. Там, по её словам, она нашла сына одного из свердловских скульпторов, создававших памятник, и разузнала всё, что нужно.

Катя чувствовала себя, как марафонец, которому перед самым финишем поставили подножку. Директриса сухо поблагодарила её за проделанную работу, но на очередное заседание оргкомитета в администрации не взяла и в состав группы по подготовке к празднику не включила. Окончательно Катю добило известие о том, что старика Юхлымова минувшей ночью отвезли в реанимацию с обширным инсультом. Когда на стол перед директрисой легло заявление о недельном внеочередном отпуске, та отвела взгляд и безропотно поставила подпись.

Накупив кучу всяких вкусных вредностей и пару бутылок кагора в придачу, Катя хотела одного: валяться в свое удовольствие на диване, смотреть сериалы и не думать ни о каком памятнике. Но не думать не получалось.

Володя сбился со счёта, сколько кругов они сделали вокруг фонтана, пока Катя от души не выговорила. Слегка успокоившись, она присела на широкий гранитный бортик. Глядя на её просветлевшее лицо, Володя понял, что не зря перенёс очередную фотосессию на другое время и кинулся спасать подругу, узнав последние новости из музея. Втайне он был даже немного благодарен этому злополучному памятнику, который дал им возможность сблизиться.

Семнадцатиметровая стела Комсомольской славы хорошо просматривалась от фонтана. Там, около памятника, толпились подростки, орал мегафон, гремела музыка: молодогвардейцы в синих жилетках с единороссовской символикой репетировали флэш-моб. Они ничего не знали и не боялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.